

Приверженная

Автор:

[Сандра Бушар](#)

Приверженная

Сандра Бушар

Черничка #2

Мне говорили, что слезы – признак слабости. Мне говорили... Много чего говорили! Но никто не предупреждал, что друзья могут оказаться предателями, парень – изменщиком, а родители – бросить на произвол судьбы. Мир делился на черное и белое до того, как я встретила его. Кирилла Шакалова. Он перевернул все с ног на голову, разбил розовые очки стеклами во внутрь, а я... Я подарила ему гнилое яблоко. Соблазн был слишком велик, он не мог отказаться. Шаг и мат. Мои слезы – это не слабость. Это скорбь, прощание и прощение. Содержит нецензурную брань.

Пролог

Кирилл Шакалов

Она сводила меня с ума. Каждый ее взгляд был словно оголенное лезвие ножа, пронзающее насквозь острыми шипами. В самую душу. В самое сердце. В самую суть.

Еще в тот роковой день, на свадьбе, я понял – Она будет моей. Девушка с глазами цвета спелой черники, волосами в тон самой темной смолы, а кожа... Господи, как же она пахла молодостью и наивностью! Чистый соблазн.

– После приема она не должна уйти. Привези ее ко мне домой, – одернув охранника, шепнул ему на ухо, показывая пальцем на девушку в костюме официантки. Тонкая блузка облегла ее идеальные формы, подчёркивая подтянутую, достаточно большую грудь, когда узкая юбка выгодно выделяла упругие ягодички, что заставило весь вечер безвылазно сидеть на стуле, пряча безостановочную эрекцию.

Знал – она будет моей. Стоит только поманить пальцем, показать свои возможности и дать почувствовать все перспективы рядом со мной. Добиться ее будет так же просто, как и других.

Но жизнь закрутила иначе, заставляя ненадолго отвлечься от странного желания, и когда я уже подумывал начать поиски Чернички, она объявилась сама. Пришла ко мне домой с гордо поднятым подбородком, смотря в самую душу большими черничными глазами. Мой чертов герой!

«За эти глаза можно убить...» – неосознанно пронеслось в голове, когда я рассматривал ее пухлые губы, острые скулы, тонкую шею, узкую талию и стройные ноги. «Она выглядит идеальной. Слишком идеальной!»

И это испугало. Впервые в жизни после стольких лет меня что-то испугало! Я доказывал самому себе снова и снова, что она не такая, не достойная и хватит разглядывать ее с открытым ртом, выжидаяще потирая пах. Чем она лучше обученных шлюх? Чем она умнее всех прошлых баб? Рушил, ломал, уничтожал...

Ничем... Ничем. Ничем? И все же она была другая. Лучше, чище, с вечными розовыми очками. Нужно было отпустить, и я отпустил. Только не я вернул ее себе, тут уже виновата судьба. Чертовка буквально кинула мне ее в руки с моим же ребенком, выкрикивая: «Это твой шанс, мужик!»

И я решился. Пустил ее в свою жизнь, сломал все кости и разбил розовые очки. Пусть стеклами внутрь, путь сращивание будет долгим и болезненным. Но теперь Черничка станет моей полностью, с потрохами.

Кристина... Вихрь, ветер, гром, тайфун. Робкий, уверенный, чувственный взгляд. Энергетика, пробуждающая человечность, которой и не было. Что-то свербело под ложечкой от каждого ее взмаха ресницами.

И я ненавидел ее за это! Господи, одному черту известно, как я ненавидел ее за чувства, пылающие внутри. До скрежета зубов, до жжения в легких, до всеобъемлющей ярости, пылающей в груди от одного ее присутствия.

– Я хочу, чтобы мы жили как друзья, – сказала она, честно глядя в глаза. Выстрел, поражение на смерть.

Темнота захватила с головой, действия не поддавались контролю, а животное желание избавиться от ее власти надо мной стало чем-то первостепенным. Прежнее спокойствие манило, и я устремился к нему.

Поймал за шиворот Наташу в коридоре, которая какого-то черта не ушла в барак, и затащил наверх. Толкнул на ковер, сел в кресло. Та уставилась на меня, как шавка на верного хозяина. Омерзительно для блевоты.

Оттянул штаны, приспустил боксеры.

– Соси! – рыкнул я ей, а она тут же, без слов, кинулась к члену, жадно заглатывая его снова и снова, едва слышно постанывая. Ничего... Сука! Теперь даже член не слушается меня, а хочет Ее. Ненавижу, уничтожу, раздавлю! Я сжал волосы Наташи так, что та задохнулась от слез и боли, заставив ее посмотреть мне в глаза. – Соси резче, сука. Навык потеряла?

И она ускорилась, как шлюха извиваясь между ног, и он все же встал. Наверное, из жалости.

Странно, но я сразу ощутил Ее присутствие за дверью. Закрыв глаза и почувствовал, как Черничка медленно открывает дверь, делает пару нелепых шагов вперед и замирает, глядя прямо на меня.

Этот взгляд я запомню надолго. Холодный, пустой, словно сквозь. Словно в один момент она перестала видеть меня, будто я стал пустым местом. Но она продолжала стоять, словно специально заставляя снова и снова чувствовать ее боль. Чертова сука!

– ВОН! – рыкнул я что есть мочи, и Черничка быстро скрылась из комнаты. Я услышал, как хлопнула дверь в спальню, а потом досчитал до десяти и уверенно отчеканил: – У тебя есть десять секунд, чтобы уйти в свой барак, иначе я сброшу тебя на хрен с балкона.

Наташа замерла, подняла на меня похотливый взгляд и, проведя языком от яиц до самой головки, заигрываяще протянула:

– В смысле?

– Завтра тебя отвезут в аэропорт. Ты уволена, – глаза девушки расширились, она быстро заморгала, но я заставил ее ускориться: – Никакого лишнего шума. Ты знаешь, наказывать я умею и люблю. Один...

Слома голову Наташа убежала из комнаты за считанные секунды. На носочках, без лишнего шума, оставив меня одного в кабинете. Потерев переносицу, я усмехнулся патовости ситуации.

– Дожился. Хрен знает, что делать со всем этим дерьмом.

В комнату кто-то постучал, я громко сказал: «Входите», тайно надеясь, что это Черничка. Нет. Хлоя пришла с порцией свежее испечённого пирога.

– Хозяйка уже покушала немного, я подумала, что вы тоже хотите перекусить. Ничего ведь не ели целый день, – женщина робко поставила на край стола выпечку и, сделав пару шагов назад, отчиталась: – Мне жаль, но молоко для миссис Шакаловой доставят только завтра. Перебои с партией. Мне очень жаль.

– Черничка любит молоко? – с интересом подумал я, а затем одернул себя, возвращаясь мыслями к поварихе. – Что же, молочная продукция должна...

И тут что-то упало в соседней комнате. Я замер, но больше ничего не услышал. Странная тревога заставила забыть, о чем думал раньше.

– Где Кристина? – спросил я у Хлои, но та неуверенно пожала плечами и с сомнением протянула:

– Кажется, пошла к себе...

Отодвинув тарелку и опрокинув стул, я направился в спальню. Заперто. Запасной ключ в кабинете удалось достать за пару лишних минут. Чертово время! Один поворот замка, второй, третий...

– Господи, бедная девочка! – запричитала Хлоя, которая, едва ли не оттолкнув меня, первой влетела в спальню.

Кристина лежала на полу с баночкой от лекарств в руке, повсюду были рассыпаны таблетки. Я подбежал к ней, пощупал пульс. Затем нажал кнопку на часах, вызывая врача Кабо-Суринаме, параллельно пытаюсь связаться через телефон с главным островом и вызвать вертолет. Нет связи!

– Она отравилась? Боже, но почему?.. – глотая слезы, простонала женщина, переминаясь с ноги на ногу.

Я замер, осматриваясь по сторонам, оценивая все вокруг. Мокрый круг на столике около кровати, но самой чашки нет... Мусорный бак пустой... Вещи целы, аптечка не тронута, а содержимое косметички рассыпано по полу. Кто-то просто перепутал впопыхах.

– Нет, Хлоя. Ее отравили, – взяв Кристину на руки, я поднял ее на постель и достал аптечку, собираясь оказать первую помощь. – Собери всех внизу. Буду устраивать прилюдную казнь.

Внутри жгла злость, ярость, крышесносный тайфун. Странное ощущение кислотой разъедало желудок, и я даже думать не хотел, что будет, если врач не поможет, не успеет и не спасет Черничку и ребенка.

– Убью...

Часть 1. Убийца дворецкий?

– Я уже сделала переливание крови и почистила желудок, – быстро протараторила Рина, дежурный на острове врач. Ее взгляд нервно метался из стороны в сторону, пока руки продолжали делать свою работу. – Но... Мистер Шакалов, я бы на вашем месте особо не рассчитывала на чудо...

– О чем ты говоришь? – рыкнул я, и афроамериканка нервно отшатнулась, пришлось снизить тон и спокойно протянуть: – Я уже сделал запрос. Должен прилететь вертолет с центрального острова и доставить Кристину прямо в больницу.

Рина тяжело сглотнула, поправила капельницу и посмотрела на часы. Двадцать минут прошло с момента, как Черничка упала в своей спальне. А ничего не произошло! За окном падали деревья, дождь грозил разбить стекло, а порывы ветра стучали в окно, словно неожиданные гости.

– Мне жаль, но мы оба знаем правду. Никто в здравом уме и даже под страхом пули не решится совершить полет в такую погоду. Океан бушует...

– До соседнего острова близко. Плыть не так опасно... – сложив руки на груди, я скрыл странное волнение. Давно я не чувствовал себя в замкнутом круге, без единого выхода. Ха! Да никогда не было такого и сейчас не будет! – Нужно уточнить насчёт катера.

– Карим доставил меня на остров последней. Кажется, он говорил что-то о том, что на ночь заберет катер с собой, чтобы с утра доставить на нем новую партию продуктов, – робко поправила меня женщина, затем повернулась и отчеканила: – Вы не можете сейчас ничем помочь вашей невесте и ребенку. Я сделаю все возможное. Переключитесь пока на что-то другое.

Переключиться? Глядя на то, как беременная Черничка просто умирает?! Странное чувство, никогда не испытываемое мною ранее... Этому не было описания и оправдания, оно раздражало. Пожалуй, после всего случившегося стоило пустить все на самотек, наказать виновных. Жаль было бы терять такого желанного мною ребенка, но это жизнь.

Но только вот даже от таких мыслей прагматичного разума сводило зубы и хотелось удариться головой об стену. Что за черт? Почему, стоило представить печальный исход событий, наступал ступор и злость заслоняла собой весь мир?

Убью, разорву, накажу!

– Кажется, я знаю, чем себя занять до прилета подмоги, – вслух сказал я, быстрым шагом направляясь прочь из комнаты.

В соседней комнате, моем кабинете, уже вовсю работала личная охрана. До этого ни одной душе на острове не было известно о камерах, расставленных по всему дому на каждом углу, но теперь пришлось рассказать, чтобы верные псы просмотрели каждую минуту и вычислили человека, которого я мечтал выпотрошить последние несколько минут. Плевать, кто это. Даже если семидесятилетний садовник. С того, кто покусился на мою жену, я буду срывать кожу медленно, наслаждаясь каждым криком жертвы и его стоном о помощи.

– Есть новости. Вашу невесту на самом деле отравили и подставили, – Ральф, начальник службы охраны на Сейшелах, повернул ко мне экран ноутбука, включив запись.

То, что я там увидел, заставило сжать кулаки и раздавить в руке телефон. Сперва человек в черном поставил на тумбочку Чернички молоко, которое она выпила. Затем он же симитировал попытку суицида, выпрыгнув в окно, словно обезьяна. Черничка лежала там, на полу, дергаясь в конвульсиях боли, а неизвестный просто прошел мимо, словно наслаждаясь моментом. Нет... Теперь медленной смерти будет мало! Подвал и муки, длиною в жизнь. Думаю, если отрезать конечности по одной...

– Но это еще не все, – одернул меня от манящих мыслей Ральф, с некой опаской поглядывая на меня. – Мы проверили местоположение всех работников острова. Все они попали на камеры в других частях дома.

– Чужак?! – сквозь зубы протянул я, из последних сил сдерживаясь от желания выкинуть парня прочь. На хрена мне работники, пропускающие убийц на остров?! Но сейчас было важно другое. Не причина, а следствие. – Как?

– Скорее всего, через необустроенную часть острова, а значит – местный, – протараторил тот, пытаясь хоть как-то оправдать свое скудоумие. – Наши люди уже проверяют...

– Ваши люди – кучка имбицилов. К тому же безработных. С завтрашнего дня, – я медленно встал со стула, посмотрев на монитор ноутбука. На одной части экрана была остановленная запись с Черничкой на полу, а на другой – реальное время. Работники острова собрались на первом этаже, ожидая меня с бледными лицами. Что же... Им было о чем переживать.

Выйдя их кабинета, я услышал, как треснули лутки и куски дерева упали с грохотом на пол. Мне казалось, что держать себя в руках получается, но выбитая дверь была с этим не согласна. Еще спускаясь по лестнице, я чувствовал запах страха. Эту тухлую вонь нельзя было перепутать ни с чем, и сейчас она стала моей подзарядкой.

Медленно обойдя каждого сидящего, позволил им дойти до той точки кипения, после которой они бы не могли врать, действуя на инстинктах. Затем повернулся и, глядя в никуда, протянул:

– Пять минут.

– Что именно "пять минут", мистер Шакалов? – дрожащим голос протянул садовник, с волнением переглядываясь с заплаканной поварихой.

– Столько времени я даю причастному к произошедшему сознаться. Затем вам уже ничто не поможет, – развернувшись, я направился вверх, как внезапно растерянный голос Наташи заставил застыть:

– Ваша невеста наглоталась таблеток. Мы тут при чем?

– О, милая... – не прошло и минуты, как я оказался прямо напротив блондинки. Она вжалась в кресло, а я не удержался от соблазна сжать ее хрупкое горлышко. Как же хотелось надавить сильнее, раз и навсегда покончив с этой сукой! Но если все же она навредила Черничке, то такого подарка я ей не сделаю... – Камеры. Они тут повсюду. Не пройдет и суток, как я буду знать все в мелких деталях. И если Черничка не выживет, один бог поможет отравителям. Только знаешь что? Я атеист.

Лицо Наташи покраснело, губы побледнели, а в глазах застыл такой животный ужас, что она и впрямь могла умереть от разрыва сердца. Но я не хотел так далеко заходить... Пока! Так что отпустил ее, позволяя пластом упасть на

ламинат.

Ноги несли меня наверх, к Черничке. Странное волнение теперь не поддавалось контролю и заставляло думать, что я нужен сейчас в спальне. Насчет вертолета никто так и не позвонил. Черт! Рина была права...

– Мистер Шакалов! – Хлоя одернула меня перед тем, как я успел положить руку на дверь, и взволнованно протараторила: – Не знаю, важно ли это, но лучше скажу. У меня трое детей, и я просто не могу так рисковать!

– Ближе к делу! – рыкнул я, с трудом сдерживая злобу. Все вокруг раздражали до мозга костей. Тупые твари, посягнувшие на мое! Хотелось убить каждого, лично скрутить шею и пристрелить. Просто за то, что стояли рядом, ничего не делали. Суки, падкие до денег... А как доходило дело до качественного выполнения работы и преданности работодателю – никто ничего не знает!

– Сегодня днем я встречалась с нашим садовником... в чаще леса. Не подумайте ничего дурного, мы просто болтали и гуляли по берегу! – повариха поперхнулась от моего взгляда и рыка, тут же промямлив: – Так вот! Там, по другую сторону берега, стоял желтый катер с подвеской. Припаркованный. Раньше я думала, мало ли... А теперь это кажется подозрительным!

Я только открыл рот, чтобы ответить Хлое, как из спальни выбежала Рина. Перепуганная, мокрая и трясущаяся, она уставилась прямо на меня, словно не замечая ничего вокруг:

– Послушайте, только что я узнала, что за дрянь подмешали девочке! Это не просто таблетки, а сильнейшие гормоны, провоцирующие выкидыш. После него многие вообще детей не могут иметь... К тому же следы крысиного яда. Конечно, большей частью Кристину вырвало, иначе давно бы уже умерла, но остатки в конечном итоге приведут к выкидышу, – она выдохнула и наконец сказала главное: – У нее уже началось слабое кровотечение. Если успеть отвезти ее в специальную клинику в течение двух часов – слабый шанс, но есть.

Два часа... Чертовы два часа могли разделить жизнь на «до» и «после». И пусть не раз мне приходилось отбрасывать эмоции, рассматривать проблему как обычную ситуацию, сейчас прийти в себя почему-то было сложнее.

– Два часа, говоришь... – задумчиво потянул я, а затем, отодвинув Рину, направился к службе охраны. Был только один выход в этой чертовой ловушке. – Подготовь Кристину к транспортировке.

– Но спасатели не могут пока...

– Я сам.

Мне казалось, что ветер временно затих, но это была обманка. Моя собственная. Мысли были громче вакханалии вокруг, медленно сводя с ума. На руках лежала Черничка, время от времени морщась, когда капли дождя попадали ей на лицо. Она что-то бормотала во сне, и я переживал, что она просто очнется. Сейчас не время...

– Мы все проверили, – сообщил начальник службы охраны. – Катер с подвеской и правда припаркован там, где его видела повариха. Он чист и с бензином. Скорее всего, отравитель побоялся покидать остров в шторм, так что он все еще где-то рядом.

– Отлично. У вас будет время найти его. До утра! – отчеканил я, покидая кабинет и впоследствии дом.

Рина считала это дуростью, но я видел в ее глазах, что это единственная надежда для Чернички. Двадцать минут ушло на то, чтобы дойти по размытому лесу к берегу. Калоши проседал в зыбучих песках, от сильного ветра ветки хлестали по лицу, а ливень мешал ускориться. Но, увы, глубоко в душе я знал, что это не было проблемой. Проблема – океан.

Он встретил нас высокими волнами и туманом. Но, как обычно, я оказался прав, и желтый катер по описанию Хлои оказался противоволновый. Последняя модель, стоившая кучу денег, но не гарантировавшая тебе ничего. Максимум – не умрешь в первые пять минут. Такие были только в платном парке Карима.

Вспомнив службу на флоте, притянул катер и зафиксировал трос, более-менее удерживающий его на месте. Зайдя по колено в воду, уложил Черничку внутрь, на первый этаж, затем плотно перетянул ее тело веревками, чтобы не кидало по салону.

Перед тем как отвязать веревку, я посмотрел вверх. Темно. Чертовски темно! Звезды не освещали дорогу, картина дополнялась туманом и волнами. Плыть куда-то в такую погоду – чистое самоубийство. Но на современном катере была система A-GPS. Это позволило вычислить наше местоположение без интернета и связи, а также просчитать дорогу к соседнему острову.

– С богом, – протянул я, включая мотор. Смешно. Откуда такие фразы у чистого атеиста?

Отплыть от берега отказалось самой сложной задачей. Снова и снова волны накрывали катер, делая одежду насквозь мокрой. Радовало лишь то, что Черничка спит в закрытом помещении, накрепко привязанная к койке.

Первые минуты казались вечностью. Для удержания штурвала приходилось использовать всю силу, но и дальше было не лучше. Навигатор показывал, что нужно повернуть против хода волн, и теперь судно раскачивалось, как на карусели, каждый раз переворачиваясь почти полностью. Опыт на флоте помог быть собранным даже тогда, когда воды натекло по колено, а правая рука по плечо окунулась в воду.

Когда на горизонте замаячил остров, по ощущениям прошло не меньше двух часов, но электронный циферблат показывал двадцать минут. Время! Как же его мало... Пришвартоваться оказалось не так сложно, как удерживать равновесие на глубине, так что уже спустя несколько минут я наконец привязал катер к пирсу и, с трудом удерживаясь на ногах, спустился за Черничкой.

– Вы с ума сошли, гулять на катере в такую погоду?! Это же опасно... – старик в плаще выбежал с фонариком еще до того, как я перепрыгнул через борт с девушкой на руках. Он посмотрел на сжавшуюся и побелевшую Черничку и, тяжело сглотнув, выкрикнул лишь одну фразу: – Идемте.

Отойдя на безопасное расстояние от берега, он повернулся и, прикрывая лицо от ветра, коротко спросил:

– Вы с соседнего острова?

– Да.

– Что же... Это чудо, что вы добрались живыми. Вы моряк?

Отмахнувшись, я ощутил, как дрожит Черничка в руках. Одета она была тепло, так что это озноб был явно вызван другим. И тем не менее, плотнее укутывая ее в свою кофту, я быстро протянул:

– Нужна хорошая клиника. Срочно.

– Вам нужно на другой конец острова, – покачав головой, мужчина залез к себе в карман и достал ключи и машины. Он протянул их мне, грозно глядя в глаза: – Отвечаешь головой.

Следующие двадцать минут прошли словно в тумане. Я привез Черничку, медсестры тут же унесли ее прочь, затем вышел врач, не давая мне перешагнуть порог палаты.

– Беременна? – только и спросила она спокойным голосом, который ни черта не помогал. Она стояла тут вместо того, чтобы спасти девушку и ребенка. Хотелось разрушить все вокруг к чертям собачьим!

И тем не менее, сжав зубы, я кивнул, на что получил неожиданный ответ:

– Ваше счастье, что курорт дорогой и клиника у нас хорошая, но вот единственный гинеколог, которому я доверяю, уехал перед непогодой к дочери. Не знаю, как вы это сделаете, но он должен быть тут в течение часа, – она достала лист, написав на нем неразборчивым почерком целый список: – А еще нужно купить вот это. Знаю, аптеки закрыты. Но если вы как-то привезли ее сюда, вряд ли вас это должно остановить.

Выдернув рецепт из ее рук, я спустился вниз. Доктор написала еще и адрес гинеколога, куда я направился в первую очередь. Странно, но поездка прошла на удивление быстро и легко, если не считать, что, не вписавшись на большой скорости в два поворота, я лишил старика с берега важных частей его допотопной машины. Ничего. Как только все разрешится, я куплю ему новую. В десять раз лучше прежней.

Выйдя из авто, я прикрыл лицо рукой и постучал в нужную дверь. Никто не открыл, так что, наплевав на приличия, я вошел сам. Все семейство сидело в подвале, прячась от подарков природы, а мне чуть не прилетела пуля в лоб от перепуганного мужчины.

– Какого черта ты забыл у нас дома, мужик?! – выкрикнул он, когда я выбил оружие из его рук. Жена спрятала ребенка за собой, словно это был налет, ей-богу, а мужчина, забыв о гоноре, примирительно пробормотал: – Бери все, что хочешь. Только не трогай семью!

Я протянул ему лист из клиники, подписанный его коллегой, заставив того немного подумать головой:

– Моей невесте нужна помощь. Ребенок в ней умирает. Мне сказали, что помочь можешь только ты. Называй любую сумму, я могу...

– Нет, – тут же отрезал он, не дав договорить. – Нет и еще раз нет! Мне жаль вашу невесту, но моя семья не должна терять кормильца из-за этого.

– Я гарантирую вам, что вы доберетесь до клиники без происшествий, – отпустив мужчину, я сделал шаг назад, чтобы он почувствовал себя свободным. Пусть думает, что конечное решение за ним. Хотя, черт его дери, еще три минуты – и я вынесу его из этого дома насильно! – Ваш дом давно пора обновить, ребенку скоро понадобятся деньги на вуз, а жена наверняка мечтает об отпуске. Вам и нужно только поехать в гребаную больницу и спасти мою невесту!

Сложив руки на груди, мужчина высоко поднял подбородок и протянул:

– Я вам уже все сказ...

– Эта девушка, она дорога вам? – перебила мужа молодая блондинка, в глазах которой давно уже плясали доллары. – Вы приехали ночью, несмотря на опасный уровень ветра, но... Оно того стоило?

Ни секунды не задумываясь, я сделал шаг вперед и достал из заднего кармана брюк чековую книгу. Написав на ней шестизначное число, протянул его жене,

переговоры с которой велись более успешно.

– Устроит?

– Ты должен ехать, милый, – был ее вердикт.

Спорили они ровно столько, сколько понадобилось гинекологу на сборы, затем я просто схватил его за шиворот и кинул в машину, выжимая из развалюхи максимальную скорость. На пути возникла аптека, так что, вспомнив о рецепте в кармане, я резко свернул к ней.

– Она ведь закрыта! До завтрашнего утра... – начал было причитать мужчина, пока я обматывал кулак кофтой и разбивал окно, затем залез внутрь и открыл гинекологу дверь.

– У вас три минуты на то, чтобы взять все необходимое.

– Ужас! Что за варвар? – быстро собирая необходимые лекарства, выносил мозг он. – Вам нужно рассчитаться за весь этот погром! И больная невеста не оправдание!!!

– Рассчитаюсь, но не сейчас, – снова сев в машину, я попытался отключить все эмоции, полностью контролируя дорогу. Ночь, почти полная темнота, туман и мокрая дорога в комплексе с дождем. Старую колымагу снова и снова заносило, цепляя фонари, но, выруливая на центр дороги, я продолжал двигаться, пропуская мимо ушей визг справа.

– СТОЙ! – внезапно закричал мужчина, и я немного сбросил скорость, не понимая, в чем причина. Он указал пальцем вперед и, перекрестившись, прошептал: – Посмотри! Мама...

Там, метрах в трех от нас, был тайфун, медленно и безжалостно крушивший дом. В нашу сторону он не двигался. Пока. Но путь перекрывал.

– Другая дорога?

– Только через парк. Но там запрещено...

Пару туй были сбиты на пути, идеальный загон разрушен, а розы до меня убила гроза. Зато через две минуты гинеколог уже выпал из машины и, шатаясь по дороге, побежал в больницу, словно стараясь абстрагироваться от меня.

Но самое ужасное было дальше. Просто ждать, ничего не делая. Страшнее шторма, тайфуна и тумана ночью... Я бы справился со всем, но сейчас не требовалось ничего. Я был бессилен и бесполезен, ходя из одной части коридора в другую, стараясь сделать мысли холодными и прагматичным, но выходило с трудом.

Странно, все, что я делал в жизни, было ради легкого будущего. Но сейчас деньги, связи и угрозы не могли помочь. Судороги били по рукам, губы то и дело пересыхали, а лютая агрессия к каждому проходящему мимо в конечном счете сделала коридор полностью пустым для меня.

Только я и чертов пустой белый коридор!

– Мистер Шакалов? – наконец, из кабинета вышла врач. Держа в руке папку, она устало вытерла пот со лба и, внимательно заглянув мне в глаза, серьезно протянула: – У меня для вас есть две новости.

Глава 2. Двойной удар

Кристина.

Я помню, как мне снился ветер и качка. Голос Шакалова, молния, гром и запах соли... Станный запах отпечатался в голове надолго. Вплоть до того момента, как в ушах жутко зазвенело, даже сквозь закрытые глаза солнце заслепило. По инерции я зажмурилась, ощущая, как ноют все мышцы. Даже лицо отдавало легкими спазмами по всему телу.

– Кристина?! – где-то рядом раздался знакомый голос. Хриплый, взволнованный, но узнать его не вышло сразу. Мысли разбежались. – Девочка, открой глаза. Пожалуйста...

Нет. Мне не хотелось. Та пустота, что держала меня, все это время давала такой покой, который и не снился. Я растворялась в нем, таяла, радовалась тишине и отсутствию кого-либо, пока... Пока не вспомнила о ребенке.

Глаза распахнулись сразу, словно от электричества. Поток света сделал свое дело, слезы хлынули, а белые круги под глазами мешали видеть хоть что-то.

– Черт, наконец-то! – воскликнул мужчина, а затем я услышала, как тот достал телефон и быстро набрал номер. – Она очнулась. Бегом сюда!

Медленно, но тело переставало трястись, туман рассеивался, а лицо мужчины перед глазами прояснялось. Странное ощущение – видеть его снова. Как впервые... Темные волосы, острые скулы, глубокий взгляд и губы, растянутые в глупой улыбке. Я должна была ненавидеть его, но на душе стало тепло.

– Макс... – хрипло прошептала я, с трудом выдавливая буквы из губ. Услышав мой голос, Абрамов будто вспомнил о чем-то, погрузнел, его лицо вытянулось, побелело, а глаза застыли, словно он возвратился в воспоминания. По телу снова роем пробежались мурашки, и я, замерев, положила руку на живот: – Нет... Нет! Только не говори, что ребенок... Ребенок...

– Что? – мужчина одернулся и свел брови на переносице, посмотрев на мою руку, чтобы тут же воскликнуть: – Черт, нет. С ним все в порядке. Брат сам тебе все расскажет.

– Меня отравили, Максим. Я помню это... Чувствовала шаги и как кто-то вложил мне таблетки в руку. Я бы сама никогда... – к глазам подкатились слезы, и я отвернулась, борясь с головокружением и тошнотой. Никто не должен был видеть мои слезы. Особенно Макс. Как бы там ни было, он всегда был и будет на стороне брата, и единственное, что от него сейчас требовалось, – информация. – Ты говоришь, что с ребенком все хорошо. Остальное я узнаю от врача. Как давно я тут лежу? Уже нашли отравителя? Где Шакалов? Или он поверил, что я решила покончить с собой?

Макс усмехнулся, будто моя активность давала ему жизненную энергию, и облегченно выдохнул, прежде чем развести руки в стороны и спокойно протянуть:

– Тебе жених все расскажет.

– Я жду, Макс. Ты мне должен.

– Ну ладно, утолю часть твоего любопытства, – мужчина придвинулся ко мне и, поправив прядь волос, начал оживленно рассказывать: – Ты тут уже три дня. И тебя на самом деле отравили, но знала бы ты все подробности! Можно снять сериал!

– Не томи! – нервно рыкнула я, совсем как Кирилл, и облизнула пересохшие губы. Наверное, мне показалось, что Максим так увлекся этим процессом, что молчание затянулось. Затем он снова одернулся и, хлопнув в ладоши, отчеканил:

– В общем, тебя хотели убить отравой для грызунов и лошадиной дозой гормональных таблеток, провоцирующих выкидыш. Все это было в молоке, потому что в нем, как знал отравитель, не чувствуется выбранный им яд. Но ты умница – сразу все вытошнила. К тому же на острове Рина почистила тебе желудок и сделала переливание.

– Но... Если все хорошо, в чем тогда проблема? – задумавшись, я отвела взгляд и вспомнила, что еще ела. – Неужели это пирог Хлои? Она казалась мне такой милой...

– Именно он, – подтвердил мои наихудшие опасения мужчина и снова как-то странно положил свою руку на мою кисть. – Для других – обычный пирог. Для тебя – отравя.

– Не понимаю...

– Хлоя готовила пирог по рецепту бабушки, а та всегда добавляла в него тайландскую питахайю. Как выяснилось, у тебя на нее аллергия. Был сильнейший анафилактический шок, – наконец-то разъяснил всю ситуацию мужчина, придвигаясь еще ближе и наклоняясь ниже, к самому лицу. – Но ты умница, справилась сама. И детки у тебя такие же сильные, как и ты сама.

– Неужели... – сбившись на полуслове, я с вызовом посмотрела на Максима, который тут же побелел и отсел подальше, будто что-то вспомнив. – Ты сказал

«детки»?

– Черт! Шакалов сделает со мной то же самое, что и с твоим отравителем... – пробухтел он себе под нос. – Самое время менять паспорт и бежать... Черт, а куда бежать? Мы и так на острове!

– У меня будет несколько детей... – на глаза навернулись слезы, а от одной мысли, что я могла их потерять, затрясло, а датчик биения сердца рядом зашкалил. Решив не травмировать лишней раз детей, я глубоко выдохнула и досчитала до десяти. – Боже мой... Кто бы мог подумать, что мне так повезет!

– После того, что ты пережила, это самое меньше, как может тебе повезти, – на этот раз Максим сжал мою руку крепче и вывернулся так, чтобы смотреть прямо в глаза. Казалось, он был растерян и не знал, какие слова подобрать, чтобы донести смысл. – Я сделаю все возможное, чтобы повезло.

Отряхнувшись, я отвернулась и зажмурилась. Хотелось знать, кто посмел навредить моим детям, но даже мысли об этом вызывали такие сильные эмоции, что становилось дурно. Но я еще помнила, как именно оказалась на этом острове!

– Что ты тут делаешь, Максим? Кажется, у самолета мы прощались надолго...

– Я тоже так думал, но тогда еще ничего не знал. Поверь мне, – едва слышно шептал Абрамов, и что-то больно кольнуло между пальцами. Я не сразу поняла, что это было, но Максим не дал мне посмотреть, спрятав руку под покрывало. – Брат позвал на свадьбу, а тут такое... Ему нужно было отлучиться... по делам. А так он все эти дни от тебя не отходил.

Я только открыла рот, чтобы что-то сказать, как дверь в палату распахнулась с такой силой, что боковые лутки просто упали в стороны, а картина на стене разбилась о пол. В комнату вошел Шакалов. Вздерошенный, запыхавшийся и немного дезориентированный. В его руках было белое полотенце, которым мужчина вытирал руки, превращая его медленно в алое. Часть футболки была запачкана чем-то красным, и кроссовки на ногах словно насквозь пропитались этой жижей.

– Как давно она проснулась?! Какого хрена ты так поздно сообщил? – разъярённо рыкнул Шакалов на Абрамова, заставляя того в секунду отсесть подальше. Наверняка это резкое движение не укрылось от Кирилла, потому что, отбросив полотенце в сторону, тот отчеканил по слогам: – Ты свою функцию выполнил. ВОН.

– Хорошо, хорошо, братик! – поднимая руки вверх, примирительно протянул Макс, вставая с места. Подмигнув мне, он бросил на прощание: – Кристина очень боялась за дет... ребенка, а я просто хотел успокоить ее до твоего прихода.

– Тебе нечего переживать, Черничка. Месяц домашнего ареста – и все будет идеально. Главное, что дети здоровы, – подходя к раковине, мужчина спокойно помыл руки, а затем, грубо усмехнувшись, едко выплюнул: – Он сказал тебе... Вот урод.

– Максим не сказал только, кто пытался меня отравить, – не размениваясь на сантименты, серьезно протянула я, тут же догадываясь: – Пирог Хлои – случайность, а вот Наташа и вправду с самого начала казалась мне немного не в себе.

Резко разворачиваясь и выключая кран, Шакалов свел брови на переносице и двинулся ко мне. Сев на место Абрамова, он внимательно осмотрел меня с ног до головы и закончил разговор:

– Это уже не важно. Все наказаны.

– Мне важно. И я не собираюсь говорить с тобой, пока не узнаю правду.

На секунду повисло молчание, и я уже было подумала, что Шакалов забыл обо мне, как вдруг он тихо протянул:

– Черт, ты права. Ты имеешь право знать, – отвернувшись, он засмотрелся в окно, заставляя меня удивляться каждому слову. – Кажется, я сильно задел самолюбие того носильщика, которому отбил яйца... Потому что, когда Наташа затащила его в койку, он быстро согласился на ее вариант отомстить мне. Убить тебя, а если не повезет, хотя бы ребенка. Наташа специально оставалась на видном месте, чтобы ее никто не заподозрил, но когда на острове нашли этого уroda, он сразу во всем признался...

Вдох-выдох... А я и представить не могла, как заденет меня правда. Словно кто-то выбил почву из-под ног, сознание помутилось, а надрывный хрип сам вырвался из горла:

– Единственное, в чем я была уверена рядом с тобой, что ты не дашь другим в обиду наших детей. Единственное, Шакалов! Но ты взял в домработницы своих любовниц, а мелкими работниками – неуравновешенных парней, – рука сама скользнула к животу, где теперь так четко представлялись два малыша. Два сердца, которые не бросили меня в этом безумии. Не оставили. Боролись сильнее, чем их мать! Но теперь я буду им ровней. Сделаю все, чтобы оградить их от мира. – Уйди, прошу... Сейчас я не хочу тебя видеть. И мне... Мне хочется спать.

Молчание длилось долго. Целую вечность. Я ощущала взгляд Кирилла на себе, но так к нему и не повернулась. Видеть его не хотелось до скрежета зубов. Кажется, он сделал все возможное, чтобы выкидыш все же случился, но сам бог велел детям остаться тут, со мной.

– Отдыхай, – низко прошептал он, но, вместо того чтобы встать, осторожно провел рукой по щеке, губам, носу, словно поглаживая кожу и убеждаясь, что все происходящее реальность. Но это был Шакалов. Романтика – не его визитная карточка. Наверняка таким жестом он снова напоминал мне, чья я и что только ему дозволено прикасаться к товару. – Я буду за дверью.

Кирилл все же встал и вышел, позволяя мне накрыться покрывалом с головой и медленно считать до десяти, возвращая себе здоровое сознание. Я поднесла руку к лицу, вытирая слезы, и тут же что-то мелкое выпало на постель. Осторожно подняв кружочек, с интересом поняла, что это сложенный в несколько раз листик.

«Максим», – понеслось в голове, и я ускоренно развернула его, прежде чем прочитать роковые слова:

«Я говорил с Гайкой и все знаю. Прости меня. Дай мне второй шанс. Встреться со мной».

Неделя в палате прошла как один день. Я ела, пила, ходила на процедуры и больше узнавала своих детей, посещая УЗИ, врачей и получая все больше и больше анализов. Всех удивляло, как при таком сильном стрессе организма они оставались здоровыми и невредимыми. Но на это я только усмехалась. Было в кого.

Шакалов был рядом всегда. Каждую минуту. Словно преследующая тень, постоянно находился где-то за спиной. Чаще я не видела его, почти всегда он молчал, но... Стоило мне уронить платок, как он тут же поднимал его быстрее, чем я успевала посмотреть вниз. Или не могла найти телефон, а он уже оказывался в моей руке.

Такие перемены пугали сильнее агрессии. Словно затишье перед бурей. С каждым днем я все больше и больше боялась, что злость в нем накапливается, а затем выльется на меня одной большой лавиной. В моменты страха я всегда острее ощущала своих детей. Словно их энергетика становилась такой же сильной, как и моя, подпитывая и заставляя бороться.

– Я хочу прогуляться по городу. Можно? – Кирилл сидел в палате и, кажется, был всерьез увлечен работой на ноутбуке. Но стоило мне произнести пару слов, как он резко поднял взгляд.

Его глаза просканировали меня с ног до головы, словно на рентгене, а затем Шакалов вынес вердикт:

– Нет, – мужчина захлопнул ноутбук, отложил его в сторону и быстрым шагом направился к выходу. Я уже было подумала, что он возвращается к своему «посту» у палаты, но тот открыл дверь и, повернувшись ко мне в проходе, требовательно пробормотал: – Сколько мне тебя еще ждать?

Не понимая, что происходит, но не желая больше и минуты видеть пугающие белые стены и стерильную до ужаса обстановку палаты, я накинула халат и посеменила за ним.

Вместо города мы пришли в местный парк. Стоит признаться, больницы на Сейшелах очень отличаются от тех, что на родине. Собственно, как и окружающие их парки.

Идеальные каменные аллеи, зеленые газоны, всевозможные деревья и цветы, а также маленькие фонтаны за каждым углом. Долгую неделю, не выходя на улицу, я переживала за детей и боялась навредить им, а теперь свежий воздух буквально будил сознание. Я глотала его жадно, не в силах скрыть счастливую улыбку.

– Почему ты улыбаешься? – голос прозвучал неожиданно низко и близко. Сидя на фонтане, я вытянула палец вперед, и на него села бабочка. Момент показался мне настолько трогательным, что из глаз хлынули слезы. Но голос Шакалова заставил вздрогнуть, бабочка улетела, а мне пришлось обернуться, чтобы вернуться в реальность.

– Уже не важно, – ноги сами поднялись, неся меня дальше по парку, в нетерпении увидеть, что же там, за следующим поворотом. Густо высаженные туи делали парк немного похожим лабиринт. В нем нельзя было потеряться, а вот спрятаться – легко.

Но Кирилл одернул меня за руку, заставляя замереть на месте, а затем просто обошёл, чтобы смотреть прямо в глаза. Странно, но я впервые заметила седину на его висках, глубокую морщину между бровей и складку у губ. Уверена, этого не было совсем недавно... Как так?

– Я хочу знать, Черничка, – требовательно произнес он, отчеканивая по слогам: – О чем ты думала, когда улыбалась?

Зажмурившись, я прикусила губу и решила не провоцировать скандал. Кому он нужен после всего, что было пережито?

– В тот момент... В ту крохотную секунду мне показалось, что моя жизнь идеальна. Я молода, здорова, беременна двумя детками... Светит солнце, нет войны, и знаешь... Не важно! Это все гормоны. Доктор говорил, что такое бывает, – к глазам подкатились слезы, поэтому фразу я закончить все же не смогла. Не хватило решимости и внутренних сил. Напротив меня стоял мужчина, огромный, как скала, сносящий своей энергетикой все на своем пути. Он явно не лучшая кандидатура для откровений...

– А потом ты увидела меня, и жизнь снова перестала казаться тебе розовой и радужной, да, Черничка? – скрипя зубами, протянул Шакалов, и я вздрогнула,

понимая, что он дословно процитировал мои мысли. Нужно было что-то ответить, но язык словно онемел, тело парализовало, а одна слеза все же скатилась по щеке. Его руки некрепко сжали мои плечи, словно стараясь удержать на месте, хотя бежать я и не собиралась, когда он нагнулся до моего роста, чтобы слишком громко отчеканить: – Я делаю все, что хочешь, Черничка. Все. Неделю даже не разговариваю с тобой, чтобы ты остыла. Почему каждый гребаный раз, когда наши взгляды встречаются, ты смотришь на меня так, словно на твоих глазах я расчленил ребенка?!

– Я никогда не смогу полюбить тебя, Кирилл. Что бы ты не делал и как бы не старался... Я из той семьи, где даже похотливый взгляд на девушку мог привести к разводу. Из той, где повышение голоса вело к серьезному разговору, а постель – это что-то святое. Мужчина холит и лелеет свою девушку, а она за это дарит ему всю себя, счастье, спокойствие и уют, – руки тряслись, но я все же нашла в себе силы осторожно оттолкнуть мужчину и сделать шаг назад, чтобы сказать то, что он так ждал от меня. Возможно, не сейчас, но желание было написано у него на лице. – Я никогда не смогу простить тебя, а значит, и полюбить. Возможно только после смерти...

Шакалов продолжал молчать, глядя на меня. Его взгляд был пустым, лицо ничего не выражало, а тело замерло, словно статуя. Я не могла разгадать его... Был ли он зол, обижен, планировал ли месть или очередное наказание... Не знаю! Но одно я осознала четко: его энергетика снова становится черной, а мое желание сбежать – непреодолимым.

Осторожно обойдя мужчину, я услышала свое неровное дыхание и даже то, как цокали каблуки тапок по твердому камню. Но Шакалов даже не попытался меня остановить. Я прошла мимо него, зацепилась за тую, как вдруг...

Какой-то парень летел вперед, не разбирая дороги. На его ногах были ролики, так что, увидев меня, от неожиданности он не успел остановиться. Лишь расставил руки в разные стороны, а тело полетело вперед.

Он должен был упасть мне на живот, сбить с ног и заставить поцеловать асфальт, ведь это единственное, что я успела увидеть сбоку. Но что-то произошло...

Не знаю как, но в одну секунду кто-то одернул меня на талию, отставляя на пару шагов назад. Шакалов снова появился как призрак-защитник, закрывая меня собой. Парень на роликах все же упал, разбив себе нос, но тут же перевернулся, с ужасом посмотрев на меня:

– Господи... Простите меня! Я подумал, что нет ничего страшного, если покататься тут, пока не выйдет мама...

На вид ему было лет восемнадцать. Молод, красив и с совершенно пустыми карими глазами. Это единственное, что я успела заметить до того, как Шакалова нанес ему первый удар.

Снова, снова и снова... Он бил его, словно выпуская всю ту черноту, что накопилась. Что вызвала я. Я кричала, просила, звала на помощь, но ее не было. Мы ушли слишком глубоко в парк, а случайные зеваки и беременные женщины лишь разбежались, увидев перекошенное от ярости лицо Шакалова и его кровавый кулак.

– Ты сейчас убьешь этого ребенка! – что есть мочи закричала я, только потом понимая, что ближе по возрасту к парню, чем к Шакалову. Ирония судьбы... Чувствовала я себя на все пятьдесят.

Кирилл замер, словно пытаюсь освободиться от дымки перед глазами. Мышцы его рук напрягались, капельки крови стекали по руке, пачкая белую майку.

– Немедленно прекратите, мы уже вызвали полицию! – санитары появились откуда не ждали. По комплекции они были меньше Шакалова, но их было трое, а Кирилл один.

– Уведите кто-нибудь пациентку в палату, – рыкнул Шакалов, не поворачиваясь, а затем демонстративно схватил парня за шею. Тот дышал, но выглядел паршиво. – Немедленно! Иначе я вам его не отдам.

Кто-то подхватил меня под руку, уводя прочь. Уже в больнице я пришла в себя, а затем медсестра вколола мне дозу успокоительного, от которого я проспала до самого вечера. В палате горел свет, маленький светильник на столе, слабо освещающий силуэт у окна. Я привстала и, еще не до конца придя в себя после сна, нетерпеливо пробормотала:

– Как ты мог так поступить?! С ребёнком! У меня на глазах!

– Думаю, у него просто накипело, Кристина, – мужчина повернулся, и вместо Шакалова я увидела Максима. Странно было видеть его таким массивным и накачанным. Это не укладывалось в голове, противореча воспоминаниям... И тем не менее Абрамов изменился. – Пару дней его не будет. Я за тобой присмотрю.

– Кирилл струсил и сбежал, – констатировала я, быстро вставая с постели. В палате была шикарная ванная комната, но я предпочитала общие умывальники, чтобы освежиться. Во-первых, вид оттуда был на побережье, а во-вторых, почему-то только там я ощущала себя свободной. – Я пройдусь.

– Куда ты? Мне нужно следить за тобой? – крикнул вслед Макс, но я лишь демонстративно открыла дверь, дав понять, что его слово для меня не закон. Хватит и одного любителя командовать! – Все равно охрана всегда рядом...

И действительно! Огромный амбал проследовал за мной вплоть до самой кабинки, а затем, осмотрев туалетную комнату, соизволил выйти. Я же села на подоконник, растворяясь в мыслях и воспоминаниях. Перед глазами снова и снова всплывал Шакалов, бьющий парня с такой самоотдачей, что становилось жутко... Что же он сделал с отравителями?

Как вдруг тряпка упала мне на губы, а кто-то крепко сжал ее, словно подавляя первый приступ паники и желание закричать.

– Молчи!

От перепуга я взвизгнула, но звук был остановлен платком. Чисто инстинктивно повернувшись, вдруг поняла, что мужчина и не пытается скрывать свою внешность. Наоборот... Что-то активно нашептывает на ухо, пока в моих ушах слышно лишь биение сердца и бешеный пульс.

– Тихо, Кристина. Тихо! Я просто хотел поговорить... – снова и снова повторял Максим и, когда мне все же удалось вернуть самообладание, медленно убрал платок от лица, осторожно протянув: – Обещаешь не кричать? Это единственная комната без камер. Почему ты не пришла сюда раньше в указанное время? Я оставлял тебе так много записок...

Я спрыгнула с подоконника и отступила от Абрамова на пару шагов. Последнюю неделю он был слишком активным... Слишком! Его странные записки я вылавливала в супе, находила под подушкой и даже однажды случайно заметила в кармане у медсестры, которая осторожно всунула ее мне в руку во время планового осмотра.

Максим просил о встрече. Но я всегда игнорировала записки и нарочно не покидала палату в указанное время. Сейчас же мужчина только доказал своим поведением, что оставаться с ним наедине опасно.

– Потому что я знаю, о чем ты хочешь поговорить, и не собираюсь больше поднимать эту тему, – облокотившись о раковину, я нащупала рукой вытянутую железную колбу с жидким мылом. На всякий случай.

Максим выглядел потерянным и обескураженным. Снова и снова нервно трепал свои волосы, взгляд его терялся, а бедные губы оказались искусаны в кровь. Что-то отзывалось в сердце на эти нелепые жесты, желая пожалеть мужчину и выслушать, но здравый рассудок в который раз громко напоминал: «Он брат Шакалова. Тебе не друг!»

– Тебе лучше уйти... – шёпотом протянула я, когда молчание затянулось, поглядывая на входную дверь. – Пока охранник не решил, что я слишком долго сижу тут и не вошел сам.

– Я не могу с этим жить, Кристина, – надрывно перебил он меня, делая шаг вперед. Его внутренние метания были практически осязаемыми. Сердце разрывалось от горечи в его голосе, досады и обиды, но перебить мужчину я просто не могла: – Черт... Ты была права! Во всем права! Я положил жизнь, чтобы стать таким же, как сводный брат. Но, поговорив с Гайкой, я понял, что никогда не знал Шакалова. Начал копаться в его делах... Я не могу жить с тем, что сам посадил тебя в самолет к нему, Кристина! Не могу!! Не могу жить, зная, что ко всем его темным делам так и иначе причастен.

Не стоило этого делать, но рука сама потянулась к его плечу, чтобы поддерживающе похлопать и уверенно сказать:

– Знаешь, где-то в глубине души я бы, наверное, разочаровывалась в людях, выбери ты малознакомую девушку, а не брата. Тогда... Я действовала на эмоциях, рассчитывая на чудо. Ты единственный, кто думал головой.

Внезапно Абрамов схватил мою ладонь и сжал, не позволяя уйти. Даже сквозь сумерки я видела, как его ноздри нервно раздуваются, желваки играют, а губы изгибаются в саркастичной улыбке:

– Для тебя я теперь навечно предатель, правда?

– Максим, – одернув руку, я сделала еще пару шагов к выходу, стараясь не терять из поля зрения Абрамова. – Мне пора.

Но вместо того, чтобы отпустить, мужчина только сильнее сжал руку, притягивая к себе. Его губы так внезапно оказались в миллиметре от моих, что я опешила. Абрамов набрал полные легкие воздуха и, нервно выдохнув, протараторил:

– Я хочу помочь тебе. По-настоящему, понимаешь?.. Ты хотела сбежать? Хорошо, я все устрою! Не переживай.

– Я больше не хочу бежать, – осторожно прошептала я, пытаюсь вырваться из хватки мужчины. Ничего. Он прижал меня только сильнее, а я всерьез начала задумываться над тем, чтобы закричать. Только вот последствия этого пугали сильнее, чем странное поведение Максима. – У меня двое детей. И, кажется, Шакалов перестал быть таким...

– Агрессивным?! – слишком громко и раздраженно выплюнул он, а затем, понизив голос, недовольно протянул: – Сколько? Неделю, две? Неделя его спокойствия едва не стоила парню в парке жизни! Он избил его до полусмерти. Ты не думала, что через год или два на месте парня можешь быть ты или твои дети, а?

– Закрой рот! – сквозь зубы прошипела я, не желая поддаваться на провокации мужчины, но он все говорил и говорил...

– Я понимаю, чего ты боишься! Шакалов никогда ничего не терял... не потому, что маменькин сынок, а потому что уперт до скрежета зубов. Всегда победитель, лидер, лучший... Сбежать от него – значит, навсегда подписать себя на бег. Но я не хочу тебя на это подписывать.

– И что же ты предлагаешь? – закатив глаза, протянула я, и только спустя секунду до меня дошло то, что он имел в виду. Нет... Максим не произнес это вслух, но весь его вид говорил о том, что поняла я его правильно. – Господи! Ты ведь хочешь... Хочешь убить его?!

Абрамов только открыл рот, как в дверь постучали:

– Миссис Шакалова, у вас все в порядке? Могу я войти?

Переведя многозначительный взгляд на Абрамова, я замотала головой и громко ответила:

– Можете зайти ровно через минуту, – а затем тихо прошептала Максу: – У тебя есть минута, чтобы уйти. Ваши идиотские проверки мне надоели!

Максим Абрамов исчез до того, как я охранник зашел в комнату и застал меня у окна. Вряд ли он смог заметить те эмоции, что бурлили во мне. Я и сама не могла разобраться, что чувствую...

Глава 3. Рыжие тоже плачут

– Думаю, теперь я могу со спокойной душой отпустить вас домой, – ранним утром после осмотра протянула молодая девушка, осмотрев меня с ног до головы. – Состояние ваше пришло в норму, все необходимые анализы вы получили.

– А что насчет рекомендаций? – поправив халатик, я села на кровати, свесив ноги вниз. Шакалова рядом не было, Абрамов несколько дней не давал о себе знать, так что я смогла расслабиться и спокойно поговорить с врачом. – Есть какие-то опасения...

– Миссис, вам не о чем беспокоиться. Ваши нервы плохо влияют на ребенка, – женщина обернулась на дверь, словно чувствуя присутствие Шакалова за ней, а затем, немного понизив голос, пробормотала: – Я попросила мистера Шакалова не улетать сразу домой. У вас будет неделя, чтобы прийти в себя. Правда, теперь на этом острове и на частной вилле, зато можно будет оказать медицинскую помощь без проблем...

– Без проблем? – слова застыли в воздухе, а я, как бы ни пыталась, так и не могла вспомнить, как попала на остров в больницу. Шакалов не отвечал на прямые вопросы, а спрашивать у персонала было бы странно.

– Да, да! – активно закивав головой, согласилась женщина. – Ваш муж проявил себя как герой! Непогода, ночь, туман и сумасшедшие волны! А он просто взял и перевез вас сам на катере. К тому же пошел на кражу таблеток из аптеки, а еще уговорил нашего лучшего гинеколога бросить семью в тайфун и приехать к вам на помощь.

– Тайфун? – с ужасом воскликнула я, выглядывая в окно. Когда я очнулась, все казалось таким же беззаботным, как и всегда. Кто бы мог подумать, что я столько пропустила...

– Мне не стоило это говорить... – нагнувшись прямо к самому уху, врач замялась и осторожно протянула, словно боясь моей реакции: – Мой муж ради меня не пошевелит и пальцем. Когда я рассказала ему вашу историю, он назвал вашего мужа идиотом. Уже много лет я прошу его подарить мне хотя бы букет, и единственное, что получаю каждый месяц, – записки от его постоянных любовниц.

Под конец речи афроамериканка вконец растрогалась. Ее голос дрогнул, хоть она и хотела казаться веселой. Я встала с постели и отошла к окну, давая ей время прийти в себя. Такие сильные личности, как она, вряд ли бы хотели, чтобы их утешали молоденькие девочки-пациентки.

– Почему вы его не бросите? – вырвалось у меня, хоть я и хотела всем сердцем закончить этот разговор побыстрее.

– Все не так просто. Наши отношения начались, как что-то короткое и необязательное, но спустя годы я вдруг осознала, что просто привыкла к нему. Уйти – значит, начать все с начала. Это слишком сложно, когда тебе сорок и у вас трое детей, – вздохнув, она подобрала папки со стола, оставив лишь выписку, а затем, медленно двигаясь к выходу, громко протянула с веселой улыбкой: – Что же, миссис Шакалова, желаю вам и вашим детям крепкого здоровья. Надеюсь увидеть вас впредь только как роженицу.

Обычно Шакалов заходил сразу после того, как доктор выходил из палаты. В этот раз я впервые ждала, когда он зайдет, но мужчина словно специально не спешил. Я вышла первая, застав того за разминанием ушибленных кулаков, и спросить хотела другое, но слова вырвались сами:

– Что с тем парнем?

– Жив и здоров. Лицо немного подпорчено, но не думаю, что он сильно страдает на больничном, получив законный отпуск от практики в вузе, – Кирилл усмехнулся и поднял взгляд на меня. Не знаю, что изменилось, но по спине прошли мурашки. Черные глаза внимательно осмотрели меня, прежде чем тот медленно сглотнул и немного хрипло протянул: – Готова ехать?

Странно. Раньше меня парализовала злость в его глазах, теперь же пугало отсутствие эмоций. Белая футболка, как обычно, обтягивала его мощное тело, черные свободные брюки свисали по накачанным ногам, а синие вены оплетали перетренированные руки. Но все равно было что-то не так. Это чувствовалось в воздухе, ощущалось в ауре и понималось по голосу.

– Нам пора, – мужчина подхватил меня прямо в халате, решив, что я уже готова. Не став ничего говорить, я позволила ему спустить меня на первый этаж, отчаянно делая вид, что не замечаю странных взглядов медсестер.

Машина с личным водителем уже ждала у парадного входа, Шакалов устроил меня, а сам сел рядом. Я все пыталась подобрать слова, чтобы начать разговор о той ночи, когда меня отравили. Хотелось узнать, через что прошел мужчина, почему поседел и что случилось с виновниками произошедшего. Но слов все не находилось, а бедные ногти страдали от моих зубов, превращаясь в пародию маникюра.

– Черничка, – недовольно пробурчал мужчина себе под нос, будто устал ждать, когда я соберусь с мыслями, а затем просто притянул меня к себе и затащил на колени. Его руки крепко прижали меня к себе, фиксирую плотнее ремней безопасности, когда он отчеканил: – Говори уже, наконец! Я же вижу, что-то тебя грызет.

Возможно, мне показалось, но руки Кирилла осторожно поглаживали меня, хотя он и делал серьезный вид, словно это все только ради безопасности. Я ощущала его неровное дыхание и впервые энергетически не ощущала от него угрозы.

– Ты так ничего и не сказал про ту ночь... – осторожно протянула я, увидев, как на секунду лицо мужчины становится холоднее айсберга и опаснее лезвия ножа, но затем он скрыл эмоции за маской безразличия и протянул, словно запрограммированный робот:

– Виновные наказаны. Персонал я пересмотрел. Больше ничего тебе не угрожает, – мужчина дважды сглотнул, словно следующие слова давались ему с трудом, но все-таки отчеканил: – Мне очень жаль, что я упустил один из аспектов жизни, тем самым подвергнув опасности тебя и детей. Соответствующие выводы сделаны...

Мне не стоило этого делать, но поступить по-другому я просто не могла. Возможно, свою роль сыграли гены Шакалова, которых во мне теперь было больше, чем меня самой, но слова сами вырвались наружу, и я перебила тем самым мужчину:

– Если это правда и ты на самом деле прошел через столько препятствий, чтобы довести меня в больницу, то... То я должна сказать тебе спасибо, что спас моих детей, – Кирилл напрягся, его губы превратились в плоскую линию, а руку упала на мой живот.

– Это мои дети, Черничка. Ради них я готов на все, – рыкнул он, поглаживая пальцами округлость. И пусть его действия были осторожными, я все равно ощущала его давление, напор и невозможность сопротивляться. В борьбе за потомство он был готов сражаться даже с их матерью...

Не знаю, что произошло, но на глаза накатились слезы, а предательская губа задрожала от напряжения и сдерживания эмоций.

– Ты пошел на все это... только потому, что во мне твоё семя, правильно? Естественно, инкубатор – ценная вещь! – сама не знаю, откуда внутри взялось столько агрессии, но, когда Кирилл потянулся ладонью к моему лицу, я ударила по его руке с раздраженным рыком и попыталась отсесть. Он не дал. Сжал руками и ногами так, чтобы его лицо оказалось напротив моего. Его странные черные глаза с сомнением смотрели в мои и искали что-то, что не могли найти. Не выдержав, я грубо съязвила: – Черт, что ты там все время ищешь?!

– Ответы, – выдохнул он, и прежде чем я успела что-то сказать, мужчина поцеловал меня в губы. Быстро, резко, не давая даже возможности опомниться. Я все еще находилась в прострации, когда его язык проник внутрь и погладил мой, затем очертил контуры, словно помечая свое. Шакалов лишь на секунду отстранился, чтобы перевести и без того сбивчивое дыхание, его руки поползли под халат, осторожно касаясь груди... Этого мгновения хватило, чтобы я пришла в себя.

Помню громкий хлопок по его щеке. Сама не ожидала, что могу так сильно ударить. Я видела, как покраснелась смуглая кожа на лице мужчины и тут же вспомнила Наташу, стоящую на коленях рядом с пахом мужчины. Меня замутило, и я резко дернула ручку двери. Слава богу, машина уже остановилась, что позволило выбежать наружу и опорожнить желудок за ближайшей пальмой.

– Ого! Впервые вижу такую реакцию на поцелуи... – саркастично пропел женский голос совсем рядом, но я так и не набралась сил, чтобы посмотреть, кто именно позволяет себе так флиртовать рядом с Шакаловым. Хлопнула дверца машины, и незнакомка, завизжав, выкрикнула: – Наконец-то хозяин приехал – и дом перестанет быть таким тухлым!

– Максим! – рыкнул Кирилл в тот момент, когда я все же смогла ровно стоять, а все содержимое желудка осталось под пальмой. Моему взгляду предстала юная рыжая модель в топики, едва прикрывающем грудь, и в шортах, которые при всем уважении можно назвать только трусами. Кроме того, одежда явно была ей мала, а бедные соски едва не выпадали через вырез. Только девушку это не смущало! Наоборот. Она отчаянно пыталась выгодно стать перед Шакаловым, чтобы он мог заценить все ее прелести. Даже когда из трехэтажного особняка выбежал Абрамов, она все еще делала вид, что она – товар в магазине. Парень выбежал в плавках, а капли воды стекали по его упругому телу, очерчивая идеальный пресс и затекая прямо в плавки. Шакалов же только мазнул по нему

взглядом, прежде чем пристально осмотреть рыжую с ног до головы таким взглядом, словно она протухшее яйцо поверх жареной селедки. – Что это? Какого черта ЭТО делает в моем доме???

Абрамов тяжело выдохнул через зубы, словно уже ждал сложного разговора. А затем осторожно пристроился рядом с девушкой и обнял ее за талию:

– Это моя девушка – Анджела. А что, собственно, такого? Ты, значит, должен отдыхать с женой, а я один? Нет уж, дорогой брат. Только две пары в одном доме!

Набрав полные легкие воздуха, я натянула маску спокойствия и вышла из зарослей с таким видом, словно это не я только что опорожнила желудок практически у всех на виду. Все же «гуляющие» гормоны в этот раз сыграли мне на руку.

– Приятно познакомиться, – радостно протянула я Анджеле ладонь и даже слегка пожала ее окаменевшую руку.

Для девушки это стало полной неожиданностью, и на несколько долгих секунд она выпала из реальности. Явно та ждала сцену ревности или банальную злость. Ведь передо мной стояла светская львица и популярная модель, за сердце которой сражались даже на телешоу! Помню, Инга смотрела его и комментировала каждый выпуск... Так что я точно знаю, что послужной список этой дамы мог посоревноваться даже с самой опытной шлюхой.

И это как раз и не клеилось! Рядом с ней стоял Абрамов. Статный. Умный. Богатый. Он мог выбрать любую! Почему она? Анджела скорее походила на Милу или Наташу, а значит, подошла бы в любовницы Шакалову.

– Кирилл, кажется Кристине плохо, – поздоровавшись кивком, озабоченно пробормотал Максим и отошел на шаг от Анджелы, чтобы подставить мне локоть. – Идем. Я отведу тебя в ванную. А Анджела пока проводит Кирилла к столу. Мы все подготовили к вашему приезду!

– Макс, – рыкнул Шакалов, и его брат тут же обернулся с невинным видом. Пожалуй, выражение лица Кирилла было красноречивее слов, и я понятия не имею, как его брату удалось сохранить невозмутимый вид и хватило смелости

сделать еще пару шагов ко мне.

– Слушай, дай Крис отдохнуть? В ее бедном желудке и так не осталось никакой еды! – протянул Максим и попытался взять меня под руку. Личного контакта мне сейчас хотелось меньше всего, к тому же Абрамов выглядел странно, и его поведение ставило в тупик, заставляя задуматься.

Оттолкнув парня, я сама направилась в дом. Почему-то казалось, что найти ванную комнату удастся без проблем, а это наверняка единственное место в доме, где я могла бы уединиться. Только вот Макс нагнал меня у самой двери и, выдернув полотенце из рук мимо проходящей горничной, замотался им едва ли не под грудь.

– Не хочу смущать тебя, – обаятельно мне подмигнув, мужчина попытался поиграть бровями, но вышло слабо. Явно мое выражение лица не говорило о том, что я хоть немного поражена или смущена, так что тот быстро потух и едва слышно добавил: – И брата...

Меня поражало поведение Абрамова. Он вел себя так, словно и не было тех странных записок и предложения убить Шкалова. Нес какую-то чушь, пока мы поднимались по лестнице, шутил, подкалывал. Таким беззаботным я видела его только на аукционе, и не нужно было пояснений, чтобы понять – это маска. Только вот меня пугала не она, а то, что могло скрываться под ней.

– Оставлю тебя одну, – Максим указала рукой на широкую дверь из темного дерева, а затем открыл ее и демонстративно пропустил меня внутрь громадной комнаты, которая больше походила на зал с шикарным джакузи посередине. – Комната справа – ваша спальня. Горничная разложила всю твою одежду. И можешь не переживать – теперь каждый работник брата новый и проходит проверку серьезнее, чем в ФБР.

Он уже собирался выйти, когда я потянула того за полотенце, чтобы остановить. Не знаю, специально ли это сделал Абрамов, но единственный клочок одежды упал на пол, оставив его в одних мокрых плавках, плотно облегающих все достоинства фигуры.

– Прости. Не хотел тебя смущать. Ты же понимаешь... Это, – он указал пальцем на эрекцию под плавками, – от меня не зависит. Природа сама выбирает...

Цирк вокруг резко мне надоел! Все не просто казалось фальшью, а театром идиотов. Абрамов задумал что-то, о чем говорил его горящий взгляд, но участвовать и подыгрывать я была в настроении.

– Уверена, дом напичкан камерами и прослушивающими устройствами, – сложив руки на груди, я подняла полотенце и кинула его мужчине, отвернувшись. – Решил так грязно показать Шакалову свое к нему отношение?

– Во-первых, камеры и прослушки есть почти везде. Кроме, как известно, этой ванной комнаты, – внезапно я ощутила дыхание на шее и теплую руку, скользящую по моему животу, а также низкий бархатный хрип: – Во-вторых, я по-прежнему люблю своего брата. Не одобряю? Да. И считаю угрозой. Ну, а третьих... – Абрамов резко притянул меня к себе, заставляя почувствовать спиной каждую его мышцу и эрекцию между ног. Его руки поползли вниз по халату, когда тот почти беззвучно протянул: – Шакалов сейчас занят чем-то более интересным по имени Анджела и владеющим всеми техниками его так любимого минета. Как думаешь, она уже успела ему отсосать или у них еще прелюдия?

Сперва тело замерло, словно не веря ощущениям и отвергая происходящее. Парализовало! А затем, услышав полный презрения и холодного сарказма голос Абрамова, я просто отшатнулась от него, резко поворачиваясь, чтобы взглянуть в глаза Максиму. На меня смотрел совсем другой человек, нежели тот, которого я знала и в которого, кажется, была влюблена. Вместо чувственного глубокого взгляда лишь похоть и лед, вместо дружеской улыбки горящие глаза, порочно бегающие по моему телу.

Рука сама поднялась, чтобы отвесить ему пощечину. И дело было не только в попытке соблазнения. Далеко нет! Он разбил мою хрупкую веру в идеального человека. Я носила ее в руках, как последний кирпичик человечности. Все было разрушено! И лишь вера в странного мужчину Максима Абрамова была жива. До этого момента.

– Ты оказался таким же, как и все. Ничем не лучше Влада. И, знаешь, теперь я вижу, что вы с Кириллом братья, – горько усмехнувшись, я увидела, как тускнеют глаза мужчины, а маска наигранной легкости спадает. Странно... В одну секунду он превратился из легковверного парня в серьезного мужчину, с синяками усталости под глазами и бледной кожей.

– Мы не родные братья! Моя мать ушла к отцу Шакала, когда мне было шесть, – выплюнул мужчина и резко отвернулся, завернулся в полотенце и направился к выходу. – У меня девичья фамилия матери.

В тот момент я поняла, что ошиблась. Это странное чувство поселилось внутри где-то на энергетическом уровне... Максим Абрамов что-то придумал, и до моих резких слов все шло по плану. Его поведение, Анджела и даже приставания были частью какой-то странной, но очень продуманной головоломки. И пусть я не понимала ее, но понимала, что являлась его... музой. Чем-то, что заставляет Макса шевелиться быстрее, стараться и не опускать руки.

Холодок прошел под кожей, когда я сделала шаг вперед и выпалила первое, что пришло в голову, чтобы удержать его хоть на секунду:

– Почему фамилия матери?

Макс замер в проходе и, опершись о косяк, протянул тем голосом, который я знала и в который когда-то влюбилась. Взвешенный, спокойный, с легкой хрипотцой, дающей тембру глубину, вызывающую по всему телу волну мурашек:

– Для одного отца я был слишком хорош, а для другого недостаточно. Никто не пожелал иметь в роду такого, как я.

Абрамов снова сделал шаг вперед, бросив что-то вроде: «Ждем тебя внизу», когда я едва слышно прошептала:

– Что бы это ни было, я не хочу... Не хочу идти так далеко и брать на себя грех.

Я знала, что он поймет меня. Знала, что смысл сказанного дойдет до него именно в том значении, в котором я хотела передать. Но еще знала, что даже если попрошу его все отменить – он не согласится. Единственное, на что могла повлиять, – на детали. А также держать ухо востро. Каждую секунду своей жизни...

На скорую руку приняв душ и почистив зубы, переоделась в легкое платье в указанной Максом комнате и спустилась вниз. Там, в центре шикарного зала

стоял громадный круглый стол, полный всяких деликатесов, и лишь стеклянная стена отделила нас от приватного пляжа и спокойного океана.

Анджела сидела за столом почему-то не рядом с Абрамовым, а рядом с Шакаловым. Мужчина что-то увлеченно печатал в своем телефоне, Максим ел стейк с кровью, угрюмо глядя только в тарелку. Пока Шакалов занимался делами, девушка активно ухаживала за ним: накладывала еду в тарелку, застелила салфетку на колени и даже вилку в руки вложила.

Картина была настолько полной, что я внезапно почувствовала себя лишней. Кто я в их семье? Хотелось развернуться и уйти, как вдруг Абрамов резко поднял взгляд и заметил меня. На секунду его стеклянные глаза превратились в два светящихся озера, а на моих щеках появился румянец, но в следующее мгновение он уже вернул самообладание и, громко покашляв, сказал:

– Кристина, мы все ждем тебя. Спускайся...

Не знаю, вопросы какой важности решал Шакалов, но он и не шевельнулся в мою сторону. Его лицо было бледнее обычного, а взгляд настолько сосредоточен, что вот-вот – и капилляр на глазу лопнул бы, а складкой межбровья можно было раскалывать орешки.

– Ага... Все мы... – закатив глаза, протянула Анджела, лишь мельком взглянув на меня и отвернувшись, когда Абрамов встал и помог мне сесть на мягкий стул рядом с собой.

Мы кушали словно в неловком молчании. Да, Макс что-то рассказывал без остановки, но Кирилл работал, не притронувшись к еде, Анджела со странным интересом рассматривала меня, словно под микроскопом, а я же размышляла над возможным планом Абрамова.

– И все же, – нежно перебила девушка своего «бойфренда», положив тому не нарезанный огурец прямо в рот: – Давайте поговорим о Кристине. Она столько пережила, бедняжка... Скажи, что ты сделала с глазами? Что это за операция такая?

Клянусь, в тот момент я едва не подавилась креветкой. Пусть голос девушки звучал так, словно она наивная дурочка, но ее взгляд выдавал истинные

намерения с потрохами. Анджела просто хотела найти во мне недостатки, указав на них пальцем при всех.

– Заткнись, – рыкнул Максим, и та вздрогнула, волком уставившись на него, но замолчала, когда Абрамов перегнулся через стол и недостаточно тихо прошептал: – Еще одно слово в адрес Кристины...

Я не собиралась сдаваться или пасовать перед такими житейскими трудностями. Много лет я дружила с Ингой, научившей меня держать лицо в любой жизненной ситуации, и теперь я впервые смогла применить ее совет с максимальной пользой.

Рассмеявшись едва ли не до слез, со снисхождением посмотрела на девушку и, улыбнувшись Максусу, спокойно протянула:

– Все нормально! Интересы у каждого разные... Нет, это мой цвет глаз. Подарок от мамы.

– А грудь? Неужели Шакалов не раскошелится на силикон? – подперев лицо рукой, театрально протянула она. – С годами наша кожа ветшает, к тому же ты ждешь ребенка. Тебе нужно как никому другому...

– Я, по-твоему, должна увеличить третий размер?

– Хм... Тогда ягодицы. Как-то они уж сильно у тебя стоят... Импланты? – прикусив губу, девушка покраснела. Все вокруг смотрели на нее, словно на идиотку, даже мимо проходящая горничная. Ее план разоблачения провалился, так и не начавшись.

– Годы спорта и профессиональных танцев, – пожав плечами, я заметила, как Анджела «случайно» качнула тарелку с фруктами и та по цепочке завалила весь стоящий на пути ко мне сервиз. Железный сосуд с креветками упал на пол, и пока Абрамов громко звал уборщицу, я встала с места, чтобы собрать все до того, как соус впитается в ковер.

Встав на колени, буквально провалилась под стол, и скатерть, где был свой, особенный мир... Ножка Анджелы нежно гладила Шакалова по щиколотке, а тот

не подавал никаких признаков жизни. Говоря проще, позволял ей делать то, что она делает. Ожидая моей реакции, девушка демонстративно положила руку мужчине на колено и погладила, скользя по тонкой штанине вверх-вниз.

Медленно встав на ноги, я демонстративно посмотрела прямо на Анджелу, стараясь как можно ярче передать ей свое безразличие. И между тем, в груди был пожар. Не нужно любить человека, чтобы он смог ранить тебя. Будущий муж, отец детей и человек, который силой заставляет быть с ним каждую секунду рядом... Такой.

Неужели такая участь ждет меня в будущем? Сотни любовниц, смотрящих на меня, словно на кусок тухлого мяса, и «муж», живущий своей жизнью где-то в параллельной реальности.

Каждая девочка мечтает о сказке, где принц на белом коне спасает ее от ведьмы и дарит поцелуй вечной любви. Это не была моя сказка. Реальность разрушала изнутри, убивала гордость, заставляя с содроганием думать о будущем, и, мысленно кусая ногти, осознавать, что жить в таком унижении я долго не смогу. Рано или поздно любой запал кончается, спичка сгорает вместе с желанием просыпаться по утрам.

И все же я не могла подарить кому-либо радость поглумиться надо мной. Ни за что! Посему, натянув ничего не значащую улыбку, села на место, отвернувшись к Макс, начав с ним пустой разговор. Спроси меня кто-то потом: «О чем вы говорили?», при всем желании ответить не смогла бы.

– Что же, все уже поели. Мне нужно работать, а ты, Черничка, можешь осмотреть дом или отправиться на пляж, – не глядя на меня, Шакалов встал с места и быстро ушел к лестнице. Я проследила за его спиной, все ожидая, когда тот пропустит ступеньку и упадет носом вперед. Ведь его взгляд ни разу не отрывался от телефона, словно там происходило что-то безумно важное.

– Я выбираю пляж! – весело воскликнула Анджела и, хитро улыбнувшись, взглянула на меня: – Что скажешь? Или ты боишься?

Нахмурившись, Макс снова косо глянул на девушку, и та, прикусив язык, засмотрелась в тарелку, пока Абрамов, быстро встав, подмигнул мне и прошептал на ухо:

– Идем, устрою тебе экскурсию.

Я не грезила остаться с Абрамовым наедине, но и ехидная улыбочка Анджелы не предвещала ничего приятного. Нутром я ощущала, что девушка не позволит себе такого, как Наташа. Кишка тонка. Но в том-то и преимущество стерв, их оружие – язык.

Макс провел меня по дому, показывая его так, словно и не было разговора в ванной. Слово мы были старыми добрыми друзьями, которым есть о чем поговорить и что вспомнить... Затем вышли на улицу, где солнце пекло все сильнее, делая беседку в кустах около фонтана самым приятным местом.

– Здесь мило... – прошептала я, когда молчание затянулось. С одной стороны беседки открывался вид на гостиную дома, где все еще сидела Анджела, а с другой – на пляж. Макс засмотрелся на монотонное качание воды в океане, ненадолго выпав из реальности, но мне как никогда хотелось поговорить: – Зачем ты привез Анджелу? Чтобы меня позлить? Увы, позлить не вышло. А вот унижить – пожалуйста.

Абрамов тут же оживился и удивленно посмотрел на меня, словно только сейчас очнулся. Понимание ситуации в его глазах проявлялось все больше, когда тот удивленно воскликнул:

– Черт... Этого я предугадать не мог. Был уверен, что Шакала ты ненавидишь и эгоистичное поведение Энджи тебя не заденет, – услышав из губ мужчины ласковое прозвище девушки, я едва удержалась от того, чтобы не сказать колкость, но Макс тут же пояснил: – Много лет назад мой брат и она были парой. Тогда Анджела была просто бедной студенткой, а Кирилл начинающим бизнесменом. Это Кирилл сделал ее такой, какая она сейчас, только вот он бросил ее. Мы же остались друзьями.

Не понимая, что происходит, я даже привстала с места. Точно ведь помню, что при встрече Кирилл и глазом не моргнул в сторону девушки так, чтобы можно было заподозрить их давнее знакомство. На языке крутился только один вменяемый вопрос:

– Зачем ты вообще притащил ее сюда?!

– Она была его первой любовью, первой девушкой и первой поддержкой. Их отношения были... огненными. То полная ненависть, то любовь до гроба. Не знаю, к чему они придут через столько лет, но... – Макс встал с места и, сделав пару шагов ко мне, загадочно протянул: – Пламя, как известно, отвлекает...

Странное волнение появилось груди. Я хотела пресечь его, положив руку на грудь, но стало только хуже. Воздух словно отказывался поступать в легкие, легкие мурашки покрыли всю кожу.

– Эй, эй, ты чего? – мужчина сделал шаг вперед и взял мою голову в свои руки, заставляя посмотреть ему в глаза. Макс беспокоился. И сильнее, чем стоило. Его ноздри нервно раздувались, а темные глаза покрылись поволокой паники, когда он хрипло отчеканил: – Боже, Кристина! Неужели ты... Неужели ты смогла его полюбить после всего, что произошло? Это безумие!

– Любовь? О чем ты, черт его дери! – я одернула руки мужчины и отступила назад. Чтобы наконец-то произнести то, что так долго держала в себе: – Я больше не хочу бежать, потому что несу ответственность не только за себя, понимаешь? Мои дети заслуживают спокойствия и здоровья! Но жить с человеком, имеющим сотни любовниц и ставящим их выше тебя, не просто безумие. АД! И частично ты создал его для меня, Макс!

Не дав ему сказать и слова, я развернулась и пошла прочь. Ярость... Боже, как же она жгла мне вены! Я буквально чувствовала, как лава из крышесносных эмоций наполняет каждую клеточку, окрыляя и придавая сил.

Раздражение несло меня к Нему, словно фурию, сносившую все на пути. Мне нужно было поговорить и срочно. Как оказалось, найти кабинет Шакалова не составило труда. Дверь оказалась распахнута настежь, а елеинный голосок Анджелы отравлял собой весь этаж.

Она стояла возле его стола с подносом всяких сладостей в золотом бикини, не прикрывающим общим счетом ничего. Ни одной загадки не осталось в этой упертой девушке!

Кирилл заметил меня сразу, внимательно пройдясь взглядом по мне с ног до головы. Он уже было открыл рот, чтобы что-то спросить, как я тут же посмотрела на замершую Анджелу и отчеканила так холодно, как могла:

– Вон!

Поистине, злость творит чудеса! Я видела, как на ее коже появились мурашки, поднос в руке дрогнул, а надменный взгляд превратился в неуверенный и испуганный. Но ноги ее были все еще прикованы к полу, посему я внимательно зафиксировала взгляд на ней и повторила с большим нажимом:

– Вышла вон! Взрослым нужно серьезно поговорить.

Анджела убежала из комнаты быстрее, чем я успела сосчитать до трех. Кажется, она что-то причитала на пути, но это было уже не важно. Передо мной был Кирилл, и я была намерена раз и навсегда поговорить с ним о моем положении в нашей «семье». Терпеть вечное унижение его нескончаемых бывших, настоящих и будущих – нет, извольте!

– Сядь, Черничка, – вместо меня начал Шакалова, а затем сам встал и буквально за руку подвел меня к стоящему около стола креслу. Такое поведение поставило в тупик и заставило немного поумерить пыл. Он протянул мне стакан воды и заставил выпить всю. Пусть она была горькой, но почему-то спорить я не решилась. Тогда мужчина отошел к окну и, сложив руки за спиной, тяжело выдохнул: – Кое-что случилось, и вот уже неделю я не знаю, как тебе сказать. В общем-то, и не собирался. Но сегодня случилось кое-что более вопиющее... Так что выбора у меня не осталось.

Кирилл стоял у окна в белой футболке, плотно облегающей тело. Тонкая ткань просвечивалась, давая возможность наблюдать игру мышц его спины. Одной рукой Шакалов сжал свое запястье, словно позабыв, что не с часами и далеко не в рубашке, а затем резко повернулся, отодвинул кресло ногой и сел напротив.

– Твои родители отправились в путешествие по Европе. Они сами выбрали этот тур, я выделил им охрану, предоставил все условия и оплатил, – серьезно отчеканил Шакалов, ни на секунду не выпуская меня из своего поля зрения. Его темные глаза поглощали, заставляли смотреть, не моргая, парализовали, а я и не замечала, как поддаюсь влиянию.

Внезапно дышать стало тяжело, испарина пота прошла по лбу, а странное покалывание в конечностях заставило сжать руки в кулаки.

– При чем тут мои родители? Разве ты не хотел рассказать что-то... – я оборвала себя на полуслове... Часть фразы разбилась в воздухе, словно стекло, заставляя осколки разлететься по комнате, раня всех на пути. Я слышала свой всхлип, больше похожий на хриплый вой сирены, а затем прошептала онемевшими губами: – Прошу, не говори что...

В тот момент я умоляла Шакалова. Глазами. Просила его солгать, показывая секундную слабость. Мои ноющие пальцы сжали края кресла, словно заставляя найти равновесие и выдержать то, что он может сказать. Наверное, так страшно мне не было никогда в жизни. Никогда...

Но он не замолчал, позволяя холодному лезвию снова и снова врезаться в сердце:

– Но твои родители такие же бунтари, как и ты. Они сбежали ночью от охраны через окно, купили бутылку виски и гуляли пьяные по мостам, путям, дорогам... – бескомпромиссно продолжил рассказ Шакалов, делая вид, что говорит ни о чем-то, что разделит жизнь мою на «до» и «после», а обсуждает новости бизнеса. Но в один момент что-то человеческое в нем все же проскользнуло... Как бы банально это звучало, но я видела, как нервно дернулся его кадык, пока ровный голос произнес: – Их нашли на рассвете. Видимо, какая-то машина переехала их, и, боясь ответственности, водитель просто скрылся. Его ищут, но виновниками произошедшего были пешеходы, переходящие дорогу в неположенном месте на красный свет.

И все. Как вспышка сверхновой в моей голове в секунду пролетели все кадры жизни. Словно безумно длинный фильм с грустным концом. Папа и мама, два главных человека в моей жизни. Единственные родственники...

Я медленно встала с кресла, потому что оно словно начало затягивать меня в воронку. Странное чувство, когда тело совсем не ощущается, словно идешь не ты, а твоя проекция парит над землей. Вдох, выдох... Но дойти до стойки с книгами все равно удалось. Отвернувшись от Шакалова, я повалилась на нее, пытаюсь скинуть первый приступ. Новость едким табаком проникла в легкие, голову, разум... Лишая трезвости и оглушая.

– Но они ведь живы, так? – прошептал незнакомый мне голос, и я с ужасом поняла, что звук исходит из моих губ. Мертвый, пустой, потерянный, пьяный. – Мы так много не успели... Я так много не сказала и... И вообще... Это просто не может быть правдой!

Внезапно чьи-то руки осторожно упали мне на плечи, и я вздрогнула, получая разряд электричества от Шакалова. Двести двадцать вольт. Странное ощущение, но это придало хоть немного сил на диалог.

– Мне жаль, Черничка. Они умерли быстро и вряд ли смогли что-то понять с таким количеством алкоголя в крови... – услышала я голос Шакалова за спиной и снова вздрогнула. Разряд!

Резкие слова, осуждающие, с ноткой пренебрежения, заставили резко повернуться к мужчине и заглянуть ему в глаза.

– Ты... Это ведь все ты... – голос шипел, лаская буквы на языке и делая из них яд. Палец снова и снова тыкал его в грудь, пока не превратился в кулак. Слезы потекли по щекам, обжигая холодное лицо, а Кирилл даже немного отшатнулся. Вряд ли ему было больно. Но даже такому камню, как он, сложно, наверное, выносить, когда вся злость, ненависть и чернота направлена на одного человека. Внутренняя «магия» на уничтожение и подавление. – До встречи с тобой они были другими. Не искушенными деньгами, властью и желаниями. Кто просил тебя делать это?! Кто просил тебя лезть в наш мирок, где каждый был по-своему счастлив?!

Кирилл открыл рот, но слова будто потерялись на его губах, и он снова резко стрельнул в меня холодным взглядом:

– Я хотел для них лучшей жизни.

– О, ты хотел чего-то «хорошего»? Seriously?! – сощурив глаза, я широко развела руки в разные стороны и громко выкрикнула: – Вот это все зло, что я получила от тебя за все время. Ой, а где же «хорошее»? Его нет, Шакалов. НЕТ!! – мужчина сделал шаг вперед, с намерением поймать мои руки, но не успел. Я отскочила в сторону, случайно задев скульптуру из фарфора. Та упала на мягкий ковер, но все равно раскололась на три равные части. – Ты не смог обеспечить им достойную охрану. Плевать, кто виноват! Факт остался фактом – их больше нет...

Я снова оборвала себя на полуслове, с ужасом посмотрев на разбитую фигурку. Господи! А ведь их и вправду больше нет! Никогда больше мама не принесет мне завтрак в постель, не поцелует перед сном, не купит свои жуткие платья. Никогда больше папа не буде учить меня стрелять, никогда не поведет в парк развлечений, никогда не прочитает лекцию о своем любимом целомудрии... К черту детали! Мне просто больше некого называть «мама» и «папа».

Эти слова ушли навсегда, будут зарыты в землю, рассыпались как прах... А я так и не смогу им сказать, как люблю.

Их. Больше. Нет.

И неважно, ничего больше. Ни Шакалов, ни все проблемы, идущие за ним, как палачи или предвестники конца моей нормальной жизни. Ни Инга, Макс или даже Анджеला... Все это суета, когда последнее, что в тебе осталось – фундамент – рухнуло.

– Я хочу быть на их похоронах. Провести их так, как бы они хотели... По-грузински, – тихо прошептала я, вспоминая всех родственников, которых нужно позвать и что нужно организовать для родителей. Определенно, они заслуживали лучшего.

Но вместо ответа Шакалов замолчал. Впервые его молчание давило, а когда я подняла взгляд на него, то увидела дольки сомнения. Он словно не хотел продолжать, боясь усугубить...

В голове снова и снова проматывались сказанные им слова, я чувствовала, что что-то не сходилось, но не могла поймать момент, в который осеклась. Что за черт?

– Я не собирался говорить тебе о смерти родителей вплоть до родов. Для тебя они бы были в долгом путешествии, где-то в Африке, без связи, – Кирилл сделал шаг вперед, пытаясь сократить расстояние между нами, но затем замер. – Но сегодня произошло кое-что, изменившее все. И я рассказываю это тебе только для того, чтобы ты осознавала степень опасности и четко следовала моим указаниям. Ты должна понимать, как важно соблюдать полную безопасность!

И тут я вспомнила начало разговора. Все сошлось, ужасные догадки заставили сердце выпрыгивать из груди, а перед глазами появилась белая пелена.

– Боги... Кирилл... Как давно они умерли?

– Две недели назад, – оглушил он меня правдой, заставляя отшатнуться назад, словно от удара.

Из горла вырвался мучительный хрип, когда я, стиснув зубы, прорычала:

– Их убили в первый день, когда мы прибыли на остров?! До или после того, как ты чуть не трахнул меня в джакузи!?

– После, – неожиданно ответил тот. – Был не уверен, стоит ли тебе знать, но твоя болезнь внесла коррективы, – ненадолго мужчина отвернулся к окну и выпалил буквально на одном дыхании: – Две недели шло расследования, твои родители были в морге. Сегодня должны были состояться похороны. Я был на связи и мониторил их каждую секунду.

– Должны были?..

– Именно, – слишком резко отчеканил он, и в один момент его энергетика стала походить на лезвие кинжала. – Но кто-то устроил потасовку, которую можно расценить за теракт и... Похитил тела твоих родителей.

– Но... Зачем?

– Я тоже хотел бы знать, Черничка, – задумчиво протянул Шакалов, и часть разбитой статуэтки под его ногой превратилась в мелкий песок.

Глава 4. Друг приходит в беду

Я смотрела на Шакалова, и реальность не казалась мне настоящей. Нет, черт побери! Мало того, что родители погибли, так еще и похищение тел...

– Кому могут понадобиться трупы? – задумчиво прошептала я, стараясь отогнать неприятные догадки. Хотя бы память о семье должна быть не осквернена! – Где это произошло? Возможно, речь идет о каких-то ритуалах или...

– Черничка! – резко выкрикнул мужчина, заставляя меня замолчать. Он медленно прошел к окну и сложил руки на груди, дав понять, что разговор окончен. – Расследованием занимаюсь я. Не ты! Помни о том, что должна быть осторожна. Теперь иди.

Сперва я подумала, что мне послышались последние слова Кирилла. Прищурившись, я прокрутила в памяти сказанное им и все равно не поверила. Наверное, почувствовав мой шок и неуверенность, Кирилл обернулся и, яростно глядя в глаза, отчеканил:

– Иди, Кристина!

Это было впервые, когда Шакалов назвал меня по имени, обращаясь именно ко мне. Не сделай он этого, я бы отреагировала иначе. Пожалуй, устроила бы скандал, даже не пытаясь выслушать его «здравые» рассуждения. Но его энергетика, посыл и даже отрешенное «Кристина» говорили о том, что дело серьезнее, чем я могла предположить.

Что-то ребяческое во мне требовало развернуться и уйти, громко хлопнув дверью. Но я заставила себя откинуть эмоции назад и подумала о родителях. Как бы поступила мама?

– Что-то серьезное происходит, так? – сделав шаг вперед, я вспомнила уроки этики, на одном из которых рассказывали, как заочно расположить человека к доверию и откровенному разговору. Ладони говорившего должны быть открыты для собеседники и ни в коем случае не сцеплены друг с другом. Взгляд непременно должен быть направлен на Кирилла, и пусть на это понадобилось слишком много сил, я все же осторожно протянула: – Ты волнуешься, переживаешь и, уверена, делаешь все, что в твоих силах, чтобы ничего не произошло. Но держать все в себе – безумие. Тебе нужно поделиться с кем-то. Например, со мной. Расскажи, что происходит. Возможно, я смогу помочь...

Я сделала все правильно, как по учебнику. Задобрила, польстила, показала выход из ситуации и даже предложила помощь. Такой способ манипулирования сработал бы с каждым... С каждым, но не с Шакаловым.

Он, словно хищник, выжидал, позволив мне подойти ближе и тем самым отрезав пути к отступлению. Молча наблюдал, как я останавливаюсь рядом, и даже когда мои руки потянулись к его груди, чтобы закончить последний пункт, тактильный контакт, он, лишь слегка сощутив глаза, молча стоял.

– Поговори со мной, прошу...

– Хочешь поговорить? Хорошо, – рыкнул он, в одну секунду дернул за плечо и развернул меня спиной, прижав к себе и крепко-накрепко сжав руки за кисти. Его дыхание оказалось в моих волосах, вызывая мурашки по всему телу, когда раздался разъярённый шепот, отчего я чуть не закричала от животного ужаса: – Черничка, а не перепутала ли ты меня со своим сосунком Владом, а? Неужели ты думаешь, что сможешь развести меня тупыми книжными приемами? По-твоему, сейчас я должен был растечься розовой лужицей и назвать тебе код от сейфа и пароль от банковской ячейки?

Руки свело от его прикосновений, дышать снова стало тяжело, а внутреннюю панику никак не получалось успокоить. Я понятия не имела, почему в одну секунду Шакалов превратился в монстра. Возможно, я просто каким-то образом задела болезненную тему или просто добила его, тем самым заставив мужчину выпустить всю злобу в одну сторону. На меня. Но сейчас его аура убивала. Закрывая глаза, я буквально видела перед собой демона: низкий голос, горячее тело и слова, вызывающие судороги.

– Отпусти, мне больно!

– Тебе больно, Черничка? – словно с насмешкой выпалил он и пугающе расхохотался: – Что ты знаешь о боли, малышка?

– Я лишь хочу знать больше о родителях! Засунь себе в одно место свой сейф и банковскую ячейку, – сделав пас локтем назад, я почти ударила мужчину под дых. Почти. Естественно, его силы хватило, чтобы этого не произошло. – Отпусти, Шакалов. Дай мне хотя бы уйти!

– Уйти? Я думал, ты хотела, чтобы я тебе открылся, – язвительно протянул он и сжал одной рукой мою грудь, а другой медленно спустился к подолу платья. – Самое время раздеться и помочь мне своим ротиком.

– Кирилл! – взмолилась я, чувствуя, как по щекам потекли слезы.

– О, обещаю! В долгу я не останусь. Слишком давно я не брал тебя, Черничка...

Его рука почти подняла платье, как кто-то вбежал в кабинет. Острые шпильки сперва ударили по мрамору, а затем их поглотил ковер. Громкий женский голос заставил Шакалова замереть, а меня – понять голову на гостя:

– Отпусти девочку! Ее родители умерли, идиот. Что ты делаешь?! Собираешься изнасиловать? Беременную, только что приехавшую из больницы?! – Анджела стояла в том же купальнике, в котором и выбежала недавно прочь. Ее широко расставленные ноги, сложенные на груди руки и высоко задранный подбородок говорил о том, что настрой у девушки боевой. И хоть в глазах читалась неуверенность и страх, в тот момент я поняла, как ошиблась насчет нее. – Живо, Шакал! Убери свои руки!

Ненадолго мужчина замер, мне даже показалось, что его мышцы напряглись и сейчас тот просто выгонит ее прочь. Но затем он резко отшагнул назад, а я не стала ждать, когда Кирилл передумает и, вытерев слезы, рванула прочь.

– Ты никогда не был паинькой, но я и не знала, что ты стал такой козлиной. На месте Кристины я бы давно уже отрезала тебе яйца! – воинственно прорычала Анджела и тут же бросилась прочь из кабинета. Вслед за мной. Я почти успела закрыть дверь в комнату, как она вставила в проем туфлю. – Нет. Даже не думай, что я позволю тебе закрыться, малышка. Поверь, я, как никто другой, знаю, что такое депрессия.

Горестно вдохнув, я сцепила зубы и изо всех сил напрягла лицо, чтобы не разрыдаться. Кем бы ни была эта девушка, слез моих она не увидит.

Я отошла на пару шагов и со всей неуверенностью позволила ей войти внутрь.

– Ты подслушивала под дверь, не так ли? – Анджела зашла, словно не чувствуя моего энергетического посыла остаться одной и не видя косого взгляда. К тому же повернула щеколду на замке, и дверь оказалась заперта изнутри. – Что ты делаешь?

– Не хочу ждать момент, когда Шакал очухается и придет к тебе. Вряд ли сейчас тебе захочется слышать его жалкие извинения без слова «извини», – равнодушно пожав плечами, она медленным шагом обошла спальню и, усмехнувшись чему-то мне не понятному, подцепила висевший на открытой вешалке халат. – Можно мне? Вряд ли тебе будет комфортно говорить о серьезных вещах с полуголой девицей.

Равнодушно пожав плечами, я проследила, как рыжая укуталась в халат, завязала его на поясе, а затем, словно хозяйка дома, плюхнулась на постель.

– Черт! – из горла вырвался удивленный хмык, заставивший Анджелу подняться на локтях и, сощурившись, раздраженно пробормотать:

– Удивительно! Я спасла тебе жизнь, а тебя интересуют только то, подслушивали ли я! Подслушивала, конечно. Должна же была я знать, что за муха тебя укусила... – модель театрально замотала головой и недовольно цокнула языком, прежде чем откинуться обратно на постель. – Иди сюда, девочка, и расскажи мне все. Макс говорил, что дело запутанное. Я не верила. Но теперь понимаю, все куда хуже, чем он говорил.

Новость о потере родителей все еще жгла изнутри. Каждый раз, когда вспоминала о них или о похищении тел, меня словно пронзала судорога, становилось жарко и нечем дышать. В такие секунды странное чувство клаустрофобии, слово я одна в замкнутой клетке, заставляло испарину появляться на лбу. Именно поэтому я говорила... Отвечала Анджеле, стараясь хоть на минуту отвлечься, забыть и побережь детей. Наверное, не запри я свои основные эмоции глубоко внутри еще в самолете, давно бы скончалась от сердечного приступа.

– О чем говорил тебе Макс? Что ты имеешь в виду? – девушка не ответила, а высоко подняла руку и поманила меня указательным пальцем:

– Я не собираюсь кричать на весь дом, девочка. Ложись рядом.

Сперва логичным казалось развернуться и уйти, но стоило посмотреть на дверь, как паника подступала. За ней, где-то поблизости, был Шакалов. Я чувствовала его... Как странно! Аура холодной ярости все еще витала где-то рядом, заставляя быстрым шагом направиться к кровати и лечь рядом с Анджелой.

– Даже не думай, что мы теперь лучшие подружки, – раздраженно пробурчала я, глядя на улыбающуюся модель. Она словно специально легла еще ближе, чтобы ее губы почти касались моего уха и хихикнула. – Эй, фу! Что за игру ты ведешь? Ты лапала отца моих детей за столом, не забыла?!

– Хотела лишь убедиться, что Макс мне не врет, – совершенно серьезно шепнула она мне на ухо, чтобы расслышать могла только я. – Не верилось мне в его слова...

Замерев на секунду, я недоверчиво посмотрела на девушку, которая все еще улыбалась так легковерно, словно только что не сказала мне на ухо нечто, способное изменить отношение к ней и к происходящему вокруг. Актриса, ей-богу!

– Что он сказал тебе?

– Ничего, – она пожала плечами, а затем, все же коснувшись губами мочки уха, бархатно пробормотала: – Кроме того, что мой бывший держит в плену беременную девушку, издевается над ней, а она ненавидит его всей душой... Посмотри на это со стороны и сама подумай, как это выглядит. Миллионер и модель...

– Я не модель! – перебила я ее, недовольно поморщив нос. Как давно это понятие в моей голове граничило с чем-то... неправильным?

–... Так вот! – не унималась та. – Я была уверена, что ты очередная охотница за мужиками, желающая подоить Кирилла и проехавшаяся по ушам Макса.

Анджела ненадолго замолчала и отвернулась, глядя куда-то в пустоту, мне пришлось самой неловко протянуть:

– И что же ты решила?

– Все же Абрамов прав. Как всегда, собственно... – с горечью пробормотала она себе под нос, и мне почему-то показалось, что ей было тяжело смириться с новым Шакаловым. С таким, каким он стал. Наверняка поведение мужчины в кабинете надломило ее добрую память о прошлом и веру в нечто нерушимое. Но уже в следующую секунду модель обворожительно улыбнулась и прошептала: – Именно поэтому я решила, что все же помогу тебе. Выполню свою часть сделки, чего бы мне это не стоило.

– О чем ты?!

– Неужели Макс не сказал тебе? Что за болван! – девушка закатила глаза, но тут же продолжила: – Я стану тем самым отвлекающим огнем для Шакалова. Вряд ли мне удастся его соблазнить, это я уже поняла... Но вот отвлечь внимание, выбесить, заставить мозг в его голове превратится в кашу – всегда пожалуйста!

– Анджела... – было почти смешно слышать от девушки, которая додумалась так изощренно проверить правдивость слов Макса, что-то настолько сказочное. Наверное, подари она мне билет на поезд до Хогвардса, я бы не так сильно удивилась. – Сбежать от Шакалова нереально! Он, словно Сатана, повсюду. К тому же я беременна и больше не собираюсь подвергать детей лишнему стрессу.

– Дети... Кто бы мог подумать, что Кирилл сможет сделать что-то настолько невинное и прекрасное... – словно не слыша моих слов, девушка потянулась к животу и осторожно погладила по его нижней части. По телу прошли мурашки, а я с ужасом поняла, что почти незнакомая девушка стала первой, кто проявил интерес к детям. – Знаешь, девочка, мне пришлось сделать три аборта. Когда тебе двадцать, кажется, что молодость вечна. Теперь я не могу иметь детей – и остается только идеальная внешность. Только вот... Я бы отдала это все за возможность нормальной жизни с любимым мужчиной где-то на острове.

Что-то защемило в груди, и я накрыла руку девушки своей, желая хоть как-то поддержать:

– Найти любовь можно, даже если девушка бесплодна. Это никак не связано.

– Нет. Зачем мужчине бракованная женщина? И даже если так... Я не могу жить с мыслью, что никогда не подарю любимому мужчине ребенка, – на мгновение глаза Анджелы стали стеклянными, но уже в следующую секунду она превратилась в отвязную стерву с ехидной улыбкой: – Зачем говорить о грустном? Почему бы не преподать Шакалову урок?

Стоило только девушке произнести эти слова, как в дверь кто-то постучал. Анджела тут же вскочила с постели и, подняв меня за собой, на цыпочках подошла к открытому балкону.

– Черничка, открой, – хриплый голос Шакалова за дверью заставил вздрогнуть и обернуться. Несмотря на то, что нас разделяла стена и достаточно крепкая дверь, руки заныли, когда я вспомнила его прикосновения, а в голове снова и снова повторялись сказанные им слова. – Нам нужно поговорить... Черт! Ты обязана меня выслушать.

– Проваливай, Кирилл, – громко сказала я, глядя на то, как модель перекидывает ногу через перила балкона... и прыгает вниз! Я ожидала крика о помощи, но ничего не произошло. Поспешив выглянуть вниз, я увидела, как девушка стоит ногами на крыше беседки. – Нам не о чем говорить. Я хочу побыть одна и подумать...

– Нет! – рыкнул Кирилл и дернул ручку. – Что за черт! Какого хрена ты заперлась?!

– Чтобы побыть одна, – не знаю, как это продумала девушка, но рядом с беседкой стояла лестница садовника. Она чудом подцепила ее с соседнего дерева и поставила так, чтобы слезть с беседки безопасно. Затем медленно спустилась и позвала меня к себе.

– Черничка, мне не нравятся такие игры. Немедленно открой дверь! Мне есть что тебе сказать, а ты обязана выслушать! – из последних сил спокойно протянул Шакалов, а затем все же потерял остатки терпения и закричал что есть мочи: – Либо ты открываешь ее прямо сейчас, либо я сломаю к чертям этот замок! Это будет сложно, но я справлюсь. Уж поверь, Черничка. Придётся, правда, взять электрическую пилу. А она жутко гудит и раздражает...

Усмехнувшись, я сделала серьезный голос и наиграно раздраженно выкрикнула:

– Делай что хочешь, Шакалов! Дверь я открывать тебе не собираюсь.

Без проблем повторив путь Анджели, я впервые ощутила такой адреналин, словно нарушила все правила. Кровь бурлила, а желание продолжить веселье толкало на более безумные идеи.

– И что теперь? Сбежим в город и устроим вечеринку? – предложила я, поглядывая на свое окно. Кто знает, действительно ли Шакалов там сейчас испытывает мою выносливость?

– С ума сошла?! Хочешь, чтобы он усилил охрану и повесил тебе на шею ошейник с чипом? К тому же в халатах и без денег мы сойдем за городских сумасшедших... – девушка нервно закусилла ноготь и задумчиво обвела взглядом вокруг, пока вдруг ее глаза не загорелись и она загадочно не потянула: – Кажется, я знаю, как позлить Шакалова и остаться без наказания!

Я могла ожидать от Анджели любой шалости, глядя в ее озорные глаза, но та просто притащила меня на пляж, легла на шезлонг и нажала какую-то кнопку на столике. После недолгого гудка ответила домработница, которой модель капризно выдала:

– Срочно несите мне пару коктейлей. Безалкогольных! А еще возьмите в моей комнате несколько купальников с этикеткой и несите сюда.

Анджела отключила связь, а я в полном недоумении посмотрела, как она скидывает халат и вытягивается на шезлонге.

– Что? – приспустив очки, взятые со столика, она закатила глаза и тут же простонала: – Черт, девочка! Что не так?

– Когда ты сбегала со мной через окно, я думала, что будет что-то... Ну, я не знаю...

– Опасное, захватывающее, вызывающее прилив адреналина? – помогла мне она, и я согласно кивнула, щурясь от солнца. Девушка заметила это и протянула мне со столика одну из пяти лежавших там пар очков. Я даже предположить боялась, зачем ей столько... – Милая, где твоя женская хитрость? Дети падают

на пол и бьются в истериках, подростки играют на эмоциях старших, поступая неразумно... Истинные женщины же используют пассивное коварство, ранящее в самую суть. Стервозность, если хочешь точнее.

– Быть намеренно плохой – это не мое, – с неким волнением призналась я, вспоминая, как тяжело мне дается ложь и дерзость.

– Стервами мужчины называют девушек, которые умнее их. Нужно ведь как-то оправдать задетую гордость, так ведь? Это не значит, что ты плохая, – она усмехнулась и засмотрелась в сторону дома, где домработница уже шла к нам с подносом и несколькими новыми купальниками. Анджела тут же засуетилась и серьезно пробормотала: – А теперь встань за беседку. Уверена – как только Шакал попадет в комнату, пойдет искать тебя к горничной. Не хочу закончить шоу так быстро. Он должен заплатить по полной за свое поведение!

Не став спорить, я спряталась на пару минут. Анджела быстро отослала молодую тайку прочь и кинула мне пакет с купальниками. Выбрав из них самый закрытый: красный, с большим вырезом на груди, но полностью прикрывающий живот. К тому же к нему подходили очки в красной оправе, которые я позаимствовала у девушки.

– Отлично, – осмотрев меня с ног до головы, кивнула модель, а затем закрыла глаза и снова похлопала по соседнему лежаку: – А теперь расслабляйся и медитируй. Думай о чем-то... приятном, что ли.

Ненадолго задумавшись, я все-таки поддалась желанию спрятаться в тени и легла рядом с Анджелой. Кто бы мог подумать... Еще совсем недавно Турция была для меня и Влада заветной мечтой. Нужно было работать на износ все лето, чтобы купить тур на две недели! А теперь, лежа в дорогом купальнике, попивая коктейли рядом со знаменитостью, я испытывала странное жжение в груди, словно где-то свернула не туда. Интересно, испытывала ли Золушка стыд за то, что получила просто так достаток, который не заработала сама? Я, конечно, принцессой не была, но ощущала себя воровкой и прожигательницей жизни.

Глубокий раздраженный вздох Анджелы вывел меня из транса, и я повернулась к ней, увидев, как та садится прямо и поворачивается ко мне:

– Все, я так больше не могу! Говори.

– О чем ты? Я ведь просто лежала и думала... о хорошем, – натянув лживую улыбку, я увидела в глазах девушки, как жалко выгляжу, что только подтвердил ее сарказм:

– Серьезно?! Бог мой! Если у тебя такая энергетика, когда ты думаешь о хорошем, что же будет в беде? Хватит. Говори, девочка! Я для тебя никто. Вряд ли после этого курорта мы увидимся еще раз, так что я идеальный вариант, чтобы стать жилеткой.

Теперь была уже моя очередь, чтобы тяжело вздохнуть и отвести взгляд к океану. Спокойный и голубой, он настроило на нужный лад.

– Знаешь, в моей жизни ведь было так много негатива, что я просто уже не воспринимаю происходящее, – я усмехнулась, хотя из глаза все же вышла нежелательная слезинка. Я смахнула ее до того, как она успела стать замеченной моделью. – Даже в смерть родителей не верю до конца. Все это... Кажется какой-то дурной реальностью, не моей. Наверное, удивило бы меня что-то обычное...

– Например, мужчина, влюбленный в тебя до одури, приглашающий на свидание в кино? – внезапно спросила девушка, и я посмотрела на нее, совершенно не понимая, как такое могло родиться в ее голове. Но странный блеск в глазах, который она позволила мне увидеть, приспустив очки, явно говорил о том, что вопрос задан неспроста. – Представь! Ночной город, куча фонарей и вы вдвоем, словно два подростка в кинозале! Затем ужин в фастфуде, он по-джентельменски покупает тебе двойную картошку фри на последние деньги, а затем везет на метро. Используя свой проездной, конечно.

Я усмехнулась, пытаюсь сбросить странный камень в груди. Как Анджеле удалось попасть прямо в цель? Она задела что-то глубинное, скрытое, порой непонятное даже мне самой.

Я вспомнила отношения с Владом... Была в них легкость, которая заставляла стремиться к нему с каждым днем все больше и больше. И все же у нас не было с ним свиданий в привычном понимании этого слова. Влад был очень экономным парнем и за годы отношений подарил мне только одну розу.

– О, малышка! Только не плачь... По образованию я психолог. Хотела только вспомнить былое и определить твой психотип, – она охнула и пересела ко мне, осторожно положив руку на коленку и приспустив очки: – Что бы там ни было у тебя на душе, помни о том, что ты молода, красива и ждешь ребенка. Нужно не грезить прошлым, а думать, как сделать завтрашний день лучше.

Мы так отвлеклись, задумавшись каждый о своем, что пропустили активное приближение нежданного гостя со стороны дома. Он уже был в четырех шагах, когда мы вдвоем обернулись.

– Что за черт тут происходит?! – прокричал Максим. Слегка запыхавшийся и мокрый от сейшельской жары, он выглядел не столько взбешенным, сколько озадаченным. Посмотрев сперва на меня, он остановил взгляд на Анджеле. – Ты! Это все ты придумала!

– Да о чем ты, Макс? – не выдержав их странных переглядываний, выпалила я, возвращая внимание мужчины к себе.

– Я убью тебя и разорву наш договор! – прорычал он модели, подарившей ему озорную улыбку, а затем, выдохнув, спокойно мне пояснил: – Крис! Шакалов уже полчаса что-то делает у тебя под дверью. Каким-то образом он снес титановый замок! Он думал, что ты там, пока не вошел внутрь. Теперь вся охрана стоит на дыбах и прочесывает периметр. Часть группы отправилась в город! А ты... тут.

– А она тут! – радостно воскликнула девушка, хлопнув в ладоши, а затем, повернувшись ко мне, тихо прошептала: – Шоу в самом разгаре. Внимательно следи за ситуацией и прочувствуй каждый ее момент. Кажется, мы оставили самого Сатану в дураках.

Его энергетику я ощутила сразу. Это было похоже на выстрел пули, направленный прямо в лоб. Бах! И ты поражен. Шакалов вышел из дома, словно дух возмездия и сама суть раздражения. Каждый его шаг отсчитывал секунды, лицо было напряжено так сильно, словно еще мгновение – и оно рассыплется пеплом. И, возможно, не будь рядом совершенно беззаботной Анджела, я бы даже испугалась, но сейчас все его поведение вызывало улыбку.

Так и хотелось сказать: «И кто теперь в дураках? Шах и мат, Шакалов»!

Глава 5. Пустые обещания

Кирилл Шакалов

Последние дни были похожи на сон. Черт... Привыкший к трудностям и задачам, казавшимся всем невыполнимыми, я впервые ощущал нечто, похожее на панику. Нет, естественно, справиться со всем мне удастся. Без вопросов. Но случилось то, чего боялся больше всего – чувство ответственности за другого человека делало слабым.

Сперва родителей Чернички убили. Я сам лично ездил на их опознание, пока та была в больнице с братом. Клянусь, даже мне не верилось в такое стечение обстоятельств... Но, увы, получившая власть и деньги чета Хеви изменилась настолько, что добровольно обрекла себя на довольно-таки неприятную смерть.

– Вам нужно воздержаться от стрессов, – порекомендовала лечащий врач Чернички, когда я консультировался с ней касательно плохих новостей. – Если говорить понятным языком, сейчас в ее организме переизбыток гормона счастья и возбуждения. По сути, можно считать это сбоем, но... В вашем случае это на руку.

– Хотите сказать, что она все время счастлива и хочет секса? – недоверчиво хмыкнул я, вспоминая вечно угрюмые взгляды моей девочки. Черничные глаза вечно были полны вызова и укора, и, казалось, даже камень от ее взгляда будет чувствовать себя виноватым. – Сомневаюсь в вашей квалификации.

Несмотря на мой недовольный тон, женщина закатила глаза и, натянуто улыбнувшись, раздраженно выдала:

– Это значит лишь то, что Кристина склонна видеть все в розовых очках, а не в черных. Рассказав ей что-то... скажем так, негативное, вы можете либо усугубить ее «позитивное состояние», либо перевернуть его наоборот.

– Хотите сказать, есть вероятность сделать из нее розового озабоченного пони или мегеру? – с недоверием поглядывая на сертификаты врача и дипломы об окончании вуза, я вконец убедился, что женщина лишена разума.

Встав из кресла, я быстро пошел к двери, так и не получив ответ на риторический вопрос, уже возле двери услышав:

– Вам лучше послушать меня, уважаемый мистер Шакалов. Ваша будущая жена и так пережила много стрессов. Не мне об этом вам говорить, но подарите ей сказочное время до родов. К тому же... Секс я вам не запрещаю, а даже рекомендую.

Макс знал, что я буду у врача, посему ждал прямо около двери. Последнее время его озабоченность судьбой моей Чернички бесила. Что мог сделать он, человек, ходивший подо мной? И все же Черничка выбирала его, чтобы поговорить, дарила редкие улыбки и даже порой смеялась. От этого все чаще хотелось свернуть ему шею, но пока мы сошлись на том, что он уедет в тот же день, как Черничку выпишут из больницы. От греха подальше.

– Что сказали? Можно рассказать Чер... то есть Кристине, что ее родители погибли? – прыгая вокруг меня, как малое дитя, протараторил парень. Увы, мать так и не научила того правилам поведения. – Если хочешь, как только она придет в себя, я сам расскажу ей. Думаю, из моих уст она примет информацию лучше...

Все. Это была последняя капля. Потеряв остатки терпения, я резко повернулся к нему и сжал шею. Тот попытался оттолкнуть, но ничего не вышло. За долгие месяцы работы в спортзале ему не удалось приблизиться даже на шаг к моей форме.

– Кажется, ты кое-что забыл, братец! – стараясь сдержать себя, я лишь слегка сжал руку, но глаза Абрамова стали по пять копеек. Никогда раньше я не позволял себе поднимать руку, стараясь быть ему кем-то вроде отца, которого мы оба рано потеряли. Но сейчас, уже в который раз, тот переходил границу. В частности, истекал слюнями, глядя на мою будущую жену и мать детей. – Я – ее правая рука, помощь и поддержка. Не заставляй меня менять мое к тебе отношение.

– Ты заставил меня сдать ее! Говорил, что Кристина врет! – несмотря на патовое положение, Абрамов все равно оскалился и закричал что есть мочи: – После этого у нее нет друзей! Ты окружил ее змеями с собой во главе.

Увы, но парень был прав. Я так сильно заиклился на технической безопасности, что и подумать не мог на персонал, проверенный временем. Кто бы мог подумать, что безмозглая Наташа способна на такого рода отравление? Ну ничего, жизнь в самом ужасном борделе на Сейшелах без документов научит ее жизни. Жаль только ее подельника, который не выдержал и недели пыток.

– Я доверяю тебе, Макс. Пока. Но стоит тебе хоть раз подвести... Ты не хочешь знать, что будет. Пойдешь по стопам своего родного отца, – отпустив брата, я увидел дольку презрения, проскользнувшего в его взгляде, но оно тут же исчезло, уступая место активным кивкам. – Сейчас мне нужно в город. Разобраться лично еще с парочкой людей, причастных к отравлению. Хочешь со мной или посидишь у Чернички?

Абрамов задумался, проведя длинными музыкальными пальцами по шевелюре, но затем осторожно улыбнулся и протянул:

– Нет. Мне лучше остаться. Если Кристина проснется, ей лучше видеть кого-то знакомого.

Такую политику брата я понимал, но не поддерживал. Он отлично играл на гитаре, читал много литературы, мог поддержать любой разговор, а также был лучшим учеником в тех трех вузах, что закончил... Но еще ни разу за свои двадцать пять лет он не взял на себя ответственность. Ручки его оставались чистыми, что косвенно делало его ангелом в глазах мамы и обузой в моих. По сути, каждое его движение было ложью. Смягчало это лишь то, что он сам этого не понимал. Пока.

И вот теперь новая проблема свалилась как снег на голову. Похищение мертвых тел! Черт побери, мертвых! Все указывало на Коронова, но в его смерти я был уверен. Впервые ответственность за это нес не я, а человек, которому можно доверять как себе. Значит, на горизонте появился новый враг, любящий поиграть.

Вместо первого совместного обеда с моей Черничкой и братом с его новой девушкой пришлось без остановок контролировать происходящее на другом конце планеты!

– Вам лучше оставаться на Сейшелах, господин Шакалов, – осторожно протянул начальник службы охраны, но затем замолчал. Даже через телефон я ощущал, что тот хочет что-то сказать, но никак не может решиться. – Знаю, возможно, вы сочтете, что это не мое дело, но вам стоит сказать все госпоже Хеви. Осведомлен – вооружен, как говорится. Ее вздорный характер и юный возраст могут сыграть с нами злую шутку.

– Хотите сказать, что не можете обеспечить достойную защиту моей невесте?!

– Что вы... Просто неизвестно, для каких целей преступник похитил тела. Вы же не хотите, чтобы она получила потом двойной удар?

Не дав договорить, я сбросил вызов. Что за черт, этот сосунок будет учить меня жизни?! Но, как бы я не злился, не психовал или не срывался на всех вокруг, парень был прав. Лучше этот пластырь сорву я, а не враг, тем самым делая удар намного больнее.

И тут риск был на максимум... Вспомнились слова врача, который предупреждал о «плавающих» гормонах Чернички. Стоя перед закрытой дверью в ее спальню, я с ужасом понимал, что натворил. Неужели все же «черные очки»?

Гребаные двери никак не открывались, запасные ключи куда-то пропали, а электропилой вскрыть замок удалось не сразу. И, вот новость, ее даже не было в комнате! Одному черту известно, что я почувствовал, увидев распахнутые занавески и раскрытый балкон...

В этот момент вдруг стало до одури душно, футболка внезапно стала мала, а пространство вокруг словно фонило бликами и странным звуками, больше похожими на бой курантов. Наверное, это было сердце... Я шел вперед так медленно, слово ноги приросли к полу, и чтобы поднять, их нужно приложить титаническое количество усилий. С каждым шагом становилось все более дурно, а каждый поступок из прошлого давил на голову сильнее, чем часовые пытки водой.

А ведь можно было по-другому... Иначе... Можно было!

Уже стоя на балконе, я вдруг понял, что стоило сказать только Черничке. К черту все! Только вот... Маленькой идиотки не было внизу. Нигде не было!

– Кристина пропала. Срочно осмотреть периметр и отправить бригаду на поиски в город.

Разговор с горничной, поварихой и садовником ничего не дал. Мимо проходящий Макс, как оказалось, клятвенно заверил, что понятия не имеет, куда делась Черничка.

И что я вижу на пляже? Он, чертов лгун, его шлюховатая подруга Анджела и моя Черничка.

Я шел медленно, пытаюсь побороть желание свернуть шею Макс. Хруст его костей в моем сознании согревал душу и давал такой сильный прилив адреналина, который мог превзойти экстаз.

Черничка улыбалась ему, смеялась и что-то шептала. Рядом была Анджела, что-то весело рассказывающая и бросающая на меня странные взгляды. Но видел я только Абрамова... Черт! С каким обожанием он смотрел на мою девочку! Зубы сводило до одури.

И сейчас я не винил Кристину. Молоденькая девочка с бушующими гормонами была подвластна любому влиянию, включая дурное. Виноват был я! Позволил Абрамову подобраться так близко, получить ее доверие и расположение... К нему она пришла за утешением, узнав о смерти родителей! Лучше бы сбежала в город, черт его дери...

В голове всплыли слова Чернички о том, что она влюблена. Возможно, это... мой брат, Максим Абрамов? Что-то странное будто оторвалось в груди, заставляя адреналин сумасшедшими порциями придавать телу силы. Разорвать, убить, заставить мучиться!

Что-то внутри кричало звериным воем: «Она моя! Только моя! И ничья больше!» Если бы он только коснулся ее... Если бы только... Ничто бы ему не помогло в

этом мире. Ничто.

– Я смотрю, в этом доме очень весело, – медленно останавливаясь около Абрамова, я терпеливо подождал, пока тот переведет растерянный взгляд на меня. Тот попытался что-то сказать, но одна мысль о его оправданиях лишила напрочь здравого смысла. Убийственное спокойствие в секунду сменилось боевой готовностью. Рука сама поднялась и врезала парню в лицо, чтобы убрать с лица того мечтательную улыбку. Макс упал, в непонимании пытаясь отползти в сторону, а женский визг в ушах только добавил злости. Черничка испугалась за него! Что только подтверждало мои догадки... Чертовы предатели! – Кажется, ты забыл, о чем мы говорили. Тот, кто покушается на мое, не живет долго. Я не сделаю исключение даже для тебя, братик.

– Господи, да о чем ты говоришь, псих? – Анджела села на колени и нежно взяла в руки лицо Абрамова, чтобы осмотреть повреждения. Странно, но парень молчал, глядя на меня с таким неверием, что становилось тошно. Да уж.. Это был первый раз, когда я ударил его. – Мы немного пошутили с Крис! Ты сам виноват, Шакал. Если бы не я, девочка давно была бы в петле...

Я искоса глянул на Кристину, которая в мгновение ока превратилась в зеленую статую. Ее фиолетовые глаза стали пустыми, в них застыли слезы. Она словно не видела ничего, погруженная в подсознание. Ее руки дрожали, обхватив талию, а сама поза говорила о том, что она пытается словно провалиться сквозь землю.

Гребаная типичная реакция на мои поступки Кристины Хеви. Вчера, сегодня и всегда, мать его!

– Плевать. Вы собираете вещи и сваливаете в течение получаса, – отмахнувшись от Чернички, я отложил это на потом. Сейчас главное – разобраться с опухолью, которая пока была операбельна. Достаточно и того, что я просто допустил само ее возникновение. – Разыгрывайте свой фальшивый роман в другом месте. И, Анджела, неужели ты думаешь, что такой, как Абрамов, когда-то посмотрит на тебя с интересом? Твой предел – отношения за деньги.

Кто бы мог подумать, что девушка такая актриса! В накрашенных глазах застыли слезы, и я снова получил еще один хлесткий взгляд. Она тут же поднялась на ноги и посмотрела куда-то на небо, наверняка считая этот жест очень трогательным.

– Знаешь что, Шакалов, – отчеканивая каждое слово, она осторожно стерла слезы и близко подошла ко мне, стараясь смотреть только в глаза. Что за экранный жест? – Большой твари, чем ты, я не встречала. И, несмотря на то, что до безумия люблю Макса, уеду прямо сейчас.

Ее каблуки тут же застучали по дорожке, когда девушка быстро бросилась к дому. В этот момент мой братец, словно очнувшись, поднялся на ноги и, лишь мельком глянув на меня, бросился за ней.

– Молодец, брат. Такими темпами ты скоро останешься один в этом мире. Без друзей, жены и даже семьи! – бросил он на ходу, оставляя меня один на один с Черничкой. Та все еще сидела, глядя в никуда, но нам давно нужно было поговорить. Самое время.

Сделав шаг вперед, замер. Странное ощущение... Черничка слово создала вокруг себя энергетическое поле, отталкивающее всех на своем пути. Загородилась в коконе, полном чего-то темного и разрушающего.

– Черничка? – осторожно окликнув мою девочку, я и сам не понял, откуда столько паники в голосе. Но... Что-то внутри, проснувшееся после встречи с ней, отчаянно нашептывало: «Она на грани. Так близко к чему-то ужасному...» – Ты слышишь меня? Ответь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bushar_sandra/priverzhennaya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)